

ТАМБОВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ

ВЪДОМОСТИ.

1 августа № 15. 1866 года.

Выходятъ два раза въ мѣсяць: 1 и
15 числа, съ Іюля 1861 года.
Цена за годовое изданіе 4 р. 25 к.
сер. съ пересылкою.

Подписка принимается въ Редак-
ціи Вѣдомостей при Тамбов. Дух.
Семнаріи и у всѣхъ Благочин-
ныхъ Тамбовской Епархіи.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ.

Высочайшее повелѣніе.

1866 года Іюня 23. Святѣйшій Правительствующій Су-
нодъ въ вѣдѣніи своемъ сообщилъ Правительствующему Сенату
о Высочайше утвержденномъ, въ 17 день Іюня сего года, все-
подданнѣйшемъ докладѣ Синода о трехъ избранныхъ канди-
датахъ на кафедру Епископа Балахнинскаго, Викарія Нижего-
родской епархіи, въ числѣ коихъ первымъ былъ представленъ
настоятель Новгородскаго Антонія Римлянина второкласнаго
монастыря, ректоръ Новгородской семинаріи Архимандритъ
Макарій, съ таковымъ предположеніемъ, что бы тому, кто изъ
сихъ кандидатовъ будетъ удостоенъ Его Величествомъ епи-
скопскаго сана, нареченіе и посвященіе произвести въ С.-Пе-
тербургѣ. На таковомъ докладѣ Собственною Его Император-
скаго Величества рукою написано: *быть первому, а въ про-
чемъ быть по сему.*

Указы Святѣйшаго Синода:

Отъ 5 Юля 1866 г. Объ увольненіи Епископа Владимірскаго Теофана на покой.

Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали именный ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА указъ, данный на имя Святѣйшаго Синода въ 17 день Юня сего года, за собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ, въ коемъ изображено: «Епископа Владимірскаго Теофана, согласно его прошенію, по разстроенному здоровью, увольняемъ отъ управленія епархію.»

Приказали: пребываніе Преосвященному Епископу Теофану, согласно желанію его, имѣть въ Шацкой Общежительной Вышенской Пустынѣ, съ порученіемъ ему управленія оною и предоставленіемъ права пользоваться всѣмъ, по званію Настоятеля сей пустыни. О чемъ дать знать Тамбовскому Епархіальному Преосвященному указомъ.

Отъ 30 Юля 1866 г. О вмѣненіи сельскимъ священникамъ въ непремѣнную обязанность въ церковныхъ поученіяхъ располагать крестьянъ къ грамотности и обученію.

Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложенную Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ выписку изъ Высочайше утвержденного въ 27-й день Февраля сего года журнала Присутствія о мѣрахъ для улучшенія нынѣшняго состоянія церковно-приходскихъ школъ и для облеченія духовенства въ дѣлѣ народнаго образованія. Каковымъ журналомъ, между прочимъ, положено: «въ видахъ содѣйствія дѣлу народнаго образованія, вмѣнить сельскимъ священникамъ въ непремѣнную обязанность въ проповѣдяхъ и поученіяхъ стараться располагать крестьянъ къ грамотности и обученію. Приказали. О та-

ковомъ Высочайше утвержденномъ положеніи онаго Присутствія, для зависящихъ къ исполненію онаго распоряженій, объявить Преосвященнымъ Епархіальнымъ Архіереямъ циркулярнымъ указомъ, поручивъ имъ, для болѣе успѣшнаго достиженія предположенной Присутствіемъ цѣли—содѣйствія дѣлу народнаго образованія, непосредственно и чрезъ подвѣдомственныхъ имъ Благочинныхъ, имѣть особое наблюденіе за точнымъ и усерднымъ исполненіемъ сельскими священно-служителями возлагаемой на нихъ означеннымъ положеніемъ обязанности.

По слушаніи сего указа, Тамбовская Духовная Консисторія, съ утвержденія Его Преосвященства, постановила: *указъ сей для свѣдѣнія сельскимъ священникамъ Тамбовской епархіи и точнаго со стороны ихъ исполненія припечатать въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, а благочиннымъ вмѣнить въ обязанность имѣть неослабное наблюденіе за исполненіемъ онаго, съ тѣмъ чтобы они при представленіи въ Консисторію перечневыхъ вѣдомостей, по данной формѣ, за каждое полугодье, именно: въ началѣ Апрѣля и Декабря мѣсяцахъ, въ рапортахъ своихъ объясняли, кто изъ священниковъ, сколько произносилъ поученій своимъ прихожанамъ о необходимости и пользѣ грамотности и обученія.*

а) Отъ 13 Іюля. О назначеніи классовъ церквямъ — существующей въ селѣ Полетаевѣ и ново-строющейся въ деревнѣ Кулешовѣ.

Святѣйшій Правительствующій Синодъ, вслѣдствіе представленія Его Преосвященства, Преосвященнаго Θεодосія, епископа Тамбовскаго и Шацкаго, по означенному предмету, опредѣленіемъ своимъ постановилъ: разрѣшенную Тамбовскимъ епархіальнымъ начальствомъ къ постройкѣ въ деревнѣ Кулешовѣ, Борисоглѣбскаго уѣзда, церковь, по составу образуемаго при ней прихода изъ 384 душъ мужеска пола, причислить къ 6 классу; состоящую же въ 4 классѣ цер-

ковъ села Полетаева, приходъ коей долженъ уменьшиться, за отдѣленіемъ упомянутаго числа прихожанъ къ Кулешовской церкви до 958 душъ мужескаго пола, перечислить соотвѣтственно проэктному штату Тамбовской епархіи изъ 4 въ 5 классъ, предоставивъ, впрочемъ, Его Преосвященству, въ томъ случаѣ, если будетъ усмотрѣна необходимость для Полетаевского прихода въ причтѣ, положенномъ штатомъ для церквей 4 класса, и средства сего прихода окажутся достаточными для содержанія онаго, оставить въ этомъ приходѣ прежній составъ причта. О чемъ и дать знать указомъ.

II

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Объ опредѣленіи въ должности и на священно-служительскія мѣста, и объ увольненіи и перемѣщеніи священнослужителей.

Въ должность присутствующаго въ Моршанскомъ Духовномъ Правленіи, за смертію священника Θεодора Воздвиженскаго, опредѣленъ священникъ соборной церкви Тимонъ *Ивinskій*.

Въ должность законоучителя въ Моршанскомъ уѣздномъ градскомъ училищѣ,—по тому же случаю, опредѣленъ священникъ Θεодоровской церкви Виссаріонъ *Калужинъ*.

Духовникомъ по благочинію священника Елеазара Соколова, Кирсановскаго уѣзда, согласно выбору мѣстнаго духовенства, опредѣленъ священникъ села Булыгина Семень *Орловъ*.

Къ церкви вновь устрояемаго въ г. Козловѣ, иждивеніемъ Коллежскаго Ассесора Николая Козловскаго, богадѣленнаго дома на священническое мѣсто рукоположенъ окончившій курсъ Семинаріи студентъ Димитрій *Смирновъ*.

Къ новостроющейся церкви въ деревнѣ Челнавскихъ Выселкахъ Козловскаго уѣзда опредѣленъ на священническое мѣсто воспитанникъ Семинаріи Арсеній *Пономаревъ*.

Священникъ села Андреевки Борисоглѣбскаго уѣзда, по распоряженію епархіальнаго начальства, перемѣщенъ въ село Крутые Хутора Липецкаго уѣзда. На его мѣсто въ Андреевку, согласно прошенію приходскаго помѣщика князя Дундукова-Корсакова, перемѣщенъ изъ села Ростошей благочинный священникъ Іоаннъ *Успенскій*. Въ село Ростоши во священника рукоположенъ студентъ Семинаріи Михаилъ *Назарьевъ*, назначившійся въ село Крутые Хутора.

Священникъ села Верхнихъ Пупокъ Козловскаго уѣзда Василий Красивскій померъ. На его мѣсто перемѣщенъ изъ села Акаева Темниковскаго уѣзда родной братъ его священникъ Петръ *Красивскій*. Въ селѣ Акаевѣ священническое мѣсто зачислено за сиротою, дочерью умершаго священника села Кобылинки *Розанова*.

Благочинный села Лѣвыхъ Ламокъ Моршанскаго уѣзда священникъ Андрей Воскресенскій, согласно прошенію, уволенъ отъ священнической должности, съ оставленіемъ въ должности благочиннаго. На мѣсто его во священника назначенъ воспитанникъ Семинаріи, окончившій курсъ Константинъ *Ольховскій*, со взятіемъ его дочери.

О пожертвованіи въ пользу церкви.

Тамбовскій потомственный почетный гражданинъ Андрей Михайловъ Носовъ въ Архангельскую церковь села Ивановки Борисоглѣбскаго уѣзда пожертвовалъ: серебрянный позлащенный сосудъ съ дискомъ и прочими принадлежностями, золотой парчи ризы, епитрахиль, поручи, поясъ, стихарь и орарь, — ризы, епитрахиль и набедреникъ изъ шелковой матеріи, шитой синелью, полный кругъ богослужебныхъ книгъ и колоколъ въ 61 пудъ; всего на сумму 1400 руб. серебромъ.

III

ИЗВѢСТІЯ И ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ЗАПИСКА.

По поводу возникшаго вопроса въ Шацкомъ Земскомъ Собраніи объ улучшеніи матеріальнаго быта приходскаго православнаго духовенства, Борисоглѣбскаго уѣзда села Никольскаго, Кабанье тожъ, священникъ Петръ Діогеновъ имѣетъ честь добавить слѣдующее: одинъ только способъ нынѣ обезпечиваетъ приходское духовенство въ исполненіи его обязанностей: это — выдѣленная по закону земля, обрабатываніемъ которой духовенство подаетъ народу примѣръ трудолюбія. Нельзя сказать о сборѣ добровольныхъ пожертвованій при исполненіи необходимыхъ христіанскихъ требъ и богослуженій, чтобы онъ обезпечивалъ духовенство, потому что пожертвованія отъ обстоятельствъ измѣняются. Прочія обязанности, каковы: обученіе дѣтей обществъ и содержаніе церковно-приходскихъ школъ, письмоводство при церквахъ и отправленіе духовныхъ начальниковъ въ сосѣдственные приходы на свой счетъ, по дѣламъ общественнымъ, остаются вовсе безъ вознагражденія. Земство имѣетъ то побужденіе къ вознагражденію духовенства за труды и издержки, что народъ обезпечивается въ обязанностяхъ духовенства точнымъ исполненіемъ ихъ.

Священникъ Петръ Георгіевъ Діогеновъ.

10 Июля 1866 года.

НИКОЛАЕВСКІЙ КОЗЛОВСКІЙ БОГАДѢЛЬНЫЙ ДОМЪ.

Въ городѣ Козловѣ устроенъ богадѣльный домъ для призрѣнія бѣдныхъ, престарѣлыхъ и увѣчныхъ людей и малолѣтнихъ сиротъ всякаго званія, собственнымъ капиталомъ Коллежскаго Ассесора Николая Терентьевича Козловскаго, на градской землѣ, съ церковію во имя святителя Николая. Потому домъ этотъ будетъ называться *Николаевскимъ Козловскимъ Богадѣльнымъ домомъ*. Право попечителя присвоивается самому учредителю дома. По смерти его право это или принимаетъ другой, изъявившій желаніе оказывать заведенію боготворительность, или переходитъ въ управленіе Градской Думы.

Въ богадѣльню принимаются неимѣющіе никакихъ средствъ къ своему содержанію: 1) Престарѣлыя лица обоого пола, всѣхъ сословій, не моложе 60 лѣтъ; 2) увѣчные, преимущественно изъ отставныхъ военныхъ чиновъ; 3) слѣпые и больные неизлѣчимыми хроническими болѣзнями и 4) круглыя сироты обоого пола. Кромѣ сего могутъ быть принимаемы и такія вдовы, которыя, оставшись послѣ мужей безъ всякаго состоянія съ малолѣтними дѣтьми, не могутъ содержать ихъ безъ посторонней помощи, своими трудами.

Число призрѣваемыхъ полагается до 100 и болѣе чело-вѣкъ, смотря по средствамъ содержанія. Круглыя сироты принимаются не моложе 4 лѣтъ и съ матерями ихъ—всякаго возраста. При этомъ заведеніи, для обученія дѣтей, должна быть школа. Предметы ученія: чтеніе книгъ церковной и гражданской печати, чистописаніе, законъ Божій, церковное пѣніе, четыре правила ариѳметики и географія. Въ свободное время, по возможности, занимаются домашними работами, чтобы за-благовременно приучиться къ трудамъ. — Оказавшіе хорошіе успѣхи помѣщаются въ высшее какое либо заведеніе, а менѣе способные отдаются для изученія разныхъ ремесленни-

камъ и мастерамъ или по торговой части, а дѣвочки къ модисткамъ, швеямъ и прочимъ, имѣющимъ опытность въ знаніи рукодѣлья и во всѣ прочія ремесла, чрезъ которыя они могли бы быть полезными членами общества, усердными трудами приобрѣтать себѣ пропитаніе, и находятся подъ покровительствомъ заведенія до 18 лѣтъ, а послѣ того поступаютъ въ осѣдлое гражданство.

Средства къ содержапію призрѣваемыхъ: 1) проценты на внесенный попечителемъ Г. Козловскимъ капиталъ 20 т., внесенный въ Козловскій Банкъ, который уже дѣйствіе свое возымѣлъ въ настоящемъ году; 2) градскимъ Козловскимъ Обществомъ назначено ежегодно по 1500 руб. сер., и 3) кружки по церквамъ и всякая сторонняя благотворительность.

16-го Іюля совершена всенощная въ богадѣльномъ домѣ, а 17-го освящена церковь Ректоромъ Тамбовской Семинаріи Архимандритомъ Геннадіемъ, вмѣстѣ съ протоіереями города Козлова, о. Андреемъ Студенецкимъ и о. Алексѣемъ Новоспаскимъ, въ присутствіи городского головы Николая Алексѣевича Кожевникова, городничаго г. Поля, при многочисленномъ стеченіи гражданъ.

Съ дозволенія цензуры. 4 Августа 1866 года.

Тамбовъ. Въ Типографіи Палаты Госуд. Имуществъ.

ПРИБАВЛЕНІЕ

КЪ

ТАМБОВСКИМЪ ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ

ВЪДОМОСТЯМЪ.

1 августа

№ 15.

1866 года.

В Е С Ъ Д А

•

СИМВОЛЪ ВЪРЪ.

VII.

*Върую во Единого Господа Иисуса Христа
воскресшаго въ третій день, по писаніемъ.*

Воскресъ изъ гроба Тотъ, Кого распяли Иудеи; воскресло силою Божества то самое тѣло Господа Иисуса Христа, которое страдало, висѣло на крестѣ, изъ котораго кровь текла ручьями. Ни стража, которую приставили Иудеи у гроба, ни камень, приваленный къ гробу, не удержали во гробѣ Того, Кто всеглаголющею силою изъ ничего творить все и всему Самъ даетъ жизнь. Прошло три дня послѣ распятія, и Господь Иисусъ Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ. Событіе это открылось такъ: благочестивыя жены въ этотъ день рано пошли было помазать тѣло Иисуса ароматами, а Его ужъ не было. Ангелъ сказалъ женамъ—мироносицамъ: «знаю, что вы ищете Иисуса распятаго; но какъ искать живаго между мертвыми? Его здѣсь нѣтъ. Онъ воскресъ, какъ о томъ предрекъ вамъ, еще будучи съ вами. Онъ говорилъ вамъ, что Сынъ

человѣческой будетъ преданъ въ руки грѣшниковъ, что Его распнуть и что въ третій день Онъ воскреснетъ. Поспѣшите же возвѣстити ученикамъ Его, и Петру, о Его воскресеніи: Онъ воскресъ, какъ о томъ предсказывалъ, и встрѣтитъ васъ въ Галилеи.»

Жены со страхомъ и трепетомъ спѣшили удалиться отъ гроба; но дорогою онѣ успокоились, вспоминали слова Иисусовы, и радость ихъ превзошла самый страхъ. Такъ, мы по пятому члену символа вѣры, вѣруемъ *въ воскресшаго въ третій день по писаніемъ*, т. е. какъ написано было давно—еще до рождества Христова—пророками. Оправдались слова пророческія о Его воскресеніи; какъ пророки говорили, что Спаситель умретъ и въ третій день воскреснетъ, такъ и сбылось. -- Мертвъ былъ Тотъ, Кого искали жены, но не погасла надежда о воскресеніи Его. И Ангелъ вторично говоритъ женамъ: *«не бойтесь вы; не воинамъ говорю: не бойтесь, — по вамъ. Тѣ пусть боятся, дабы, дознавши опытомъ, засвидѣтельствовали и сказали: во истину Божій Сынъ бѣ; а вамъ нѣтъ нужды бояться. Ибо совершенна любви изгоняетъ страхъ. Шедше рыцте ученикомъ Его, яко воста.»* (Кирил. 14. 15.) И послѣ сего никакая хитрость старѣйшинъ Иудейскихъ не помогла... Что они ни дѣлали, и покупали воиновъ сказать, что ученики украли тѣло Иисусово, — однако истина воскресенія Христова просіяла во всей вселенной. — Гдѣ же подлинно въ словѣ Божіемъ сказано было о воскресеніи Господа Иисуса Христа въ третій день? Образъ воскресенія Христова ясно былъ указанъ въ пророкѣ Іонѣ, о чемъ у евангелиста Матѳея читаемъ мы слова Самаго Спасителя: *якоже бѣ Іона во чревъ китовъ три дни и три нощи: тако будетъ и Сынъ человѣческой*

въ сердце земли три дни и три нощи (12, 40).

Раскроемъ священную исторію и посмотримъ, что говоритъ она о пророкѣ Іоуѣ? Вотъ что говоритъ исторія: Господь послалъ Пророка Іону въ Ниневію, въ городъ нечестивый, въ которомъ люди забыли Бога, послалъ для того, чтобы пророкъ, подъ опасеніемъ казни Божіей, побудилъ Ниневитянъ къ раскаянію; но пророкъ не послушался Бога и вмѣсто Ниневіи отправился совершенно въ противную сторону, — въ городъ Фарсисъ, путь въ который лежалъ моремъ, почему и оправился онъ на корабль. Но вотъ что случилось съ нимъ во время плаванія: взволновалось море и испуганные корабельщики, какъ люди невѣрные, не знавшіе истиннаго Бога, для спасенія отъ гибели, положили посвятить виновнаго въ жертву ложнымъ богамъ и по жребію бросить его въ море. Жребій палъ на Іону пророка, почему онъ опущенъ былъ въ море. Хранимый Богомъ, пророкъ не погибъ здѣсь, а по особенной волѣ Божіей поглощенъ былъ китомъ, который чрезъ три дня выбросилъ его совершенно невредимымъ на берегъ. Кто не пойметъ здѣсь особеннаго дѣйствія Божія? Послѣ того пророкъ долженъ былъ исполнить волю Божию и идти въ Ниневію съ проповѣдію покаянія. Такимъ образомъ Промыслу Божию угодно было сохранить пророка Іону и предъуказать въ немъ образъ смерти и воскресенія Господа Іисуса Христа, Который три дня тѣломъ Своимъ былъ въ землѣ, а чрезъ три дня земля возвратила Его живымъ и даже побѣдителемъ. Относительно трехдневнаго пребыванія во гробѣ Господа Іисуса Христа надобно знать, что и часть дня принимается здѣсь за цѣлый день. Іисусъ Христосъ былъ распятъ въ пятокъ, въ 6 часу дня по восточному счисленію, а по нашему въ 12 часовъ, — въ самый полдень; — осталь-

ное время дня составляет первый день, за тѣмъ цѣлый день субботы составляет второй день и утро воскресенія третій день. Но мнѣ хочется обратить ваше вниманіе на то, что Иисусъ Христосъ, какъ сказано выше, возсталъ изъ гроба побѣдителемъ. Что это значить?—то, что Иисусъ Христосъ своею смертію побѣдилъ діавола, разрушилъ адъ, попралъ смерть; тогда какъ тѣло Его было во гробѣ, Онъ какъ Богъ съ душою человѣческою сходилъ во адъ и тамъ объявилъ свободу отъ плѣна смерти душамъ ожидавшихъ Его съ вѣрою. Потому особенно и важно для христіанина воскресеніе Христова, и нѣтъ торжественнѣе для него праздника воскресенія Христова,—который есть праздниковъ праздникъ, что воскресеніемъ своимъ Иисусъ Христосъ окончательно побѣдилъ врага человѣческаго рода — діавола и даровалъ полную свободу вѣрующимъ. Воскресеніе Иисуса Христа есть основаніе вѣры христіанина въ собственное его воскресеніе для жизни вѣчной, есть основаніе надежды и ожиданія, что и онъ послѣ своей смерти возстанетъ съ новыми силами, съ обновленнымъ тѣломъ: *нынѣ же Христосъ воста отъ мертвыхъ, начатокъ умершимъ бысть* (1 Кор. 15, 20).—*Живъ Тотъ, Который мертвъ былъ на крестѣ;—оживемъ, безъ сомнѣнія, и мы: аще бо вѣруемъ, говоритъ Апостоль (1 Сол. 4, 14), яко Иисусъ умре и воскресе, тако и Богъ умершій во Иисусъ приведетъ съ Нимъ.* —

ФИЛОСОФСКІЯ РАЗМЫШЛЕНІЯ

О РЕЛИГІИ ХРИСТІАНСКОЙ.

Изъ Огюста Николая.

IV. ВСЕОБЩІЯ ПРЕДАНІЯ.

(Продолженіе)

Обратимся къ обозрѣнію другихъ преданій о паденіи.

Исторія первороднаго грѣха въ родѣ человѣческомъ, по ученію ветхозавѣтному и новозавѣтному, находится въ связи съ предшествовавшею ему исторіею паденія возмущившихся ангеловъ, предводитель которыхъ, дыша завистию противъ чловѣка, въ образѣ змія сдѣлался искушителемъ нашихъ прародителей, и, по выраженію евангельскому, изначальнымъ *человѣкоубійцею*, великимъ *человѣкоубійцею*; потому что чрезъ него смерть вошла въ міръ и все человѣчество стало ея добычею. Исторія объ этомъ паденіи, совершившемся въ глубинахъ неба и вѣчности, открыта намъ во многихъ мѣстахъ ветхозавѣтнаго и новозавѣтнаго писанія, гдѣ Ангель, — зачинщикъ возмущенія твари противъ Творца, — называется Веельзевуломъ, Веліаромъ, Сатаною, Дракономъ, Княземъ властей воздушныхъ, Люциферомъ, Ангеломъ тьмы и проч. и гдѣ онъ представляется падающимъ съ неба, какъ молнія, и скитающимся около насъ, какъ левъ, ищущій поглащать души. Чтоже? Въдь эта исторія, составляющая, такъ сказать, исходную точку нашей святой религіи, находится у Гомера. Всѣми истолкователями не оставлено это безъ замѣчанія. Что сказано у Гомера о богинѣ Атеѣ, (это говорилъ Рол-

лень), дочери Юпитера, — этомъ демонѣ раздора и проклятiя, вся должность котораго въ томъ и состоитъ, чтобы разставлятъ сѣти и дѣлать зло всѣмъ людямъ, и котораго властитель боговъ, въ праведномъ гнѣвѣ своемъ, низвергъ съ неба съ проклятиемъ, какое нигдѣ не встрѣтится, — все это, говорю, даетъ мѣсто той мысли, что исторiя вѣроломныхъ ангеловъ, враговъ человѣческаго рода, завистниковъ его благополучiя, всегда и вездѣ старающихся вредить ему, хотя и заключенныхъ навсегда въ адскiя темницы, не была неизвѣстна древнимъ. (*)

Что это мнѣнiе Ролленя, раздѣляемое съ нимъ и другими толкователями, не безъ основанiя, — это можно видѣть у самаго Гомера въ IX пѣсни его *Илиады*. Тамъ у него Агамемнонъ, желая оправдать себя въ своей ссорѣ съ Ахиллесомъ, бывшей причиною всѣхъ бѣдствiй Грековъ, говоритъ: «что же я могъ въ семь случаевъ сдѣлать? Извѣстная богиня играетъ слѣпыми людьми; она подавляетъ одного посредствомъ другаго; сама скитаясь среди мрака, она носится надъ нашими главами и съеть во вселенной бѣдствiя и разрушенiя. Когда-то она оскорбила самаго Юпитера, который, говорятъ, далеко выше всѣхъ людей и боговъ. Но Юпитеръ вдругъ схватилъ Атею за ея блестящiе волосы, и, пылая гнѣвомъ, произнесъ противъ нея такое страшное проклятиe: чтобы ни на Олимпѣ, ни на небѣ, усѣянномъ звѣздами, никогда не появлялась Атея, которая всѣхъ насъ поражаетъ! И говоря такимъ образомъ, Юпитеръ мощною рукою низвергъ ее съ небесъ, и она скоро достигла странъ, населенныхъ людьми.» (**)

(*) *Traité des études liv. III.*

(**) *Traduction de Dugas-Montbel.*

Здѣсь достойно примѣчанія то, что въ Иліадѣ открывается зародышъ поэмы христіанскаго Гомера, Мильтона, который, однакоже, почерпалъ вдохновеніе только въ преданіяхъ библейскихъ; очевидно, что такое сходство можетъ быть изъяснено не иначе, какъ тѣмъ, что самъ Гомеръ, не смотря на безобразіе, внесенное языческимъ многобожіемъ въ эти преданія, находилъ нѣкоторые остатки ихъ около себя.

Тоже подтверждается еще и слѣдующимъ мѣстомъ изъ Гезіода: «земля родила Гифона, о ста «головахъ драконьихъ, изъ которыхъ каждая готова «поражать багровымъ языкомъ. Опъ предвосхитилъ «бы власть надъ людьми и бессмертными, еслибъ «отецъ боговъ не разгадалъ его замыслы. Юпи- «теръ пустилъ свои молніи, съ высоты Олимпа «загремѣлъ надъ Гифономъ, поразилъ его и обра- «тилъ въ прахъ множество головъ этого страшна- «го чудовища, которое, бывъ побѣждено этими «грозными ударами, пало изувѣченное и обезо- «браженное, и его паденіе отозвалось грознымъ «гуломъ на огромное пространство земли.» (*) — О Гифонѣ мы скоро еще встрѣтимъ рассказы особенно любопытные.

Высшая философія языческая, та, которая опиралась на преданіе, съ своей стороны также сохранила блѣдный лучъ великаго свѣточа, озаряющаго бездну природы человѣческой. Такъ у Платона мы читаемъ: «природа и способности человѣка помра- «чены и повреждены въ его родоначальникѣ, «съ самаго его рожденія.» (**)

(*) Théog. V. 459 et suiv.

(**) Plat. Timée смотр. также Phaed. Oper. t. I. p.107 edit. Bipont.

По свидѣтельству пифагорейца Филолая, всѣ древніе богословы и поэты говорили также, «что душа заключена въ тѣло, какъ въ темницу, въ наказаніе за какое то преступленіе.» (*)

Цицеронъ, какъ чистое зеркало отражавшій въ себѣ всѣ истины, сохранявшіяся въ мірѣ языческомъ, и, какъ мы видѣли уже, въ своихъ изслѣдованіяхъ природы человѣческой находившій въ ней какую то божественную искру, но только какъ бы заваленную мусоромъ, въ другомъ мѣстѣ говоритъ: «эти заблужденія и бѣдствія жизни человѣческой у древнихъ прорицателей, или истолкователей, обязанныхъ изъяснять таинства божественныя новопоступающимъ, послужили основаніемъ къ тому ученію, что человѣкъ раждается въ такомъ состояніи бѣдности и немощи только для заглаженія великаго преступленія, совершеннаго въ высшей жизни; и мнѣ кажется, что они тутъ видѣли что то истинное. Поэтому я соглашаюсь съ мнѣніемъ Аристотеля, что мы осуждены нести наказаніе подобное тому, какому подвергались несчастные, попадавшіе въ руки разбойниковъ Этруріи: живые люди были связываемы лицомъ къ лицу съ мертвыми тѣлами; тоже совершается и съ нашими душами въ соединеніи ихъ съ нашими тѣлами.» (**)

(*) Clement. Alexand. Strom. l. III. p. 433.

(**) Ex quibus humanae vitae erroribus et aerumnis fit, ut interdum veteres illi sive vates, sive in sacris initiisque tradendis divinae mentis interpretes, qui nos ob aliqua scelera suscepta in vita superiore, poenarum luendarum causa natos esse dixerunt, aliquid vicisse videntur, verumque sit illud, quod est apud Aristotelem, simili nos affectos esse supplicio, atque eos, qui quondam, quum in praedonum Etruscorum manus incidissent, crudelitate

Такимъ образомъ высшая философія языческа́я, при помощи слабаго свѣта преданія, *прорывала ничто* отъ той великой истины, которая лежитъ въ основаніи христіанства.

Но низкій *философизмъ*, — такъ называемъ живое мудрованіе человѣческое, въ отличіе отъ философствованія здраваго, чтобы приложеніемъ къ нему наименованія *философія* не унижать этого достойнаго имени, — до того переверочалъ и какъ бы перепыхалъ почву духа человѣческаго, что слѣды этого преданія почти совершенно были уничтожены у образованныхъ народовъ древности, какъ бы для отличія отъ прочихъ народовъ, не иначе называвшихся у нихъ, какъ варварами, у которыхъ, однакожь, въ наиболѣе живомъ видѣ сохранились слѣды преданія. И это самое составляетъ немаловажное доказательство истинности преданія. Эти люди не были изобрѣтателями его, потому что его находимъ болѣе и болѣе полнымъ и сходнымъ съ первообразомъ своимъ, сохраненнымъ въ писаніяхъ Моисея, именно по той мѣрѣ, какъ болѣе и болѣе удаляемся отъ народовъ образованныхъ, — этихъ изобрѣтателей, и доходимъ до народовъ, оставшихся въ застоѣ и какъ бы въ положеніи охранительномъ относительно праотческаго наслѣдія. Такое слѣдствіе вытекаетъ изъ третьяго разряда свидѣтельствъ, которыя мы памѣрены сейчасъ приводить.

По ученію персовъ, *Мегліа и Мешіане*, или первый мужъ и первая жена, спачала были чисты и

excogitata necabantur quorum corpora, viva cum mortuis, adversa adversis accomodata, quam aptissime colligantur; ita nostros animos cum corporibus copulatos, ut vivos cum mortuis esse conjunctos (Hortensius, sive de Philosophia fragmenta).

невинны, покорны своему Творцу, *Ормузду*. *Ариманъ* увидѣлъ ихъ и позавидовалъ ихъ блаженству; *приступилъ къ нимъ въ образъ змія*, подалъ имъ *плоды* и убѣдилъ, что онъ самъ — творецъ человѣка, животныхъ и растеній, и всей прекрасной вселенной, въ которой они живутъ. Они повѣрили *Ариману*, который съ того времени сдѣлался ихъ повелителемъ. Ихъ природа была тутъ же повреждена и этимъ поврежденіемъ заразилось все ихъ потомство. (*) Такимъ образомъ, говоритъ ученый, у котораго мы заимствовали это свидѣтельство, *грѣхъ* происходитъ не отъ Ормузда; но онъ произошелъ, какъ говоритъ Зороастръ, *отъ существа, скрывавшагося во время преступленія*, или *Аримана*. (**)

Это существо, скрывавшееся во время преступленія, бывшее виновникомъ паденія и поврежденія природы человѣческой, находимъ также и въ преданіяхъ египетскихъ подъ именемъ *Тифона*, откуда, вѣроятно, происходитъ и греческій *Пиѳонъ*, это—чудовищный змій, котораго Гомеръ называетъ истребителемъ людей и животныхъ, а Овидій ужасомъ народовъ. Плутархъ передаетъ намъ очень любопытный рассказъ о *Тифонѣ египетскомъ*, въ своемъ трактатѣ объ *Изидѣ* и *Озирисѣ*. Здѣсь у него мы читаемъ: «Ксенократъ настаиваетъ на томъ, что злосчастные дни, когда онъ дѣлалъ и говорилъ что нибудь постыдное и низкое, онъ не считаетъ принадлежащими богамъ добрымъ, или добрымъ демонамъ; но есть въ воздухѣ существа великія и могущественныя, при томъ злобныя и

(*) Zend-Avesta, t. II. p. 378.

(**) Exposition du système de théologie des Perses, par Anquetil du Perron, Mémoires de l'Académie des inscriptions, t. XXXVII, p. 184.

«привязанныя ко злу; они-то находятъ удовольствіе въ томъ, чтобы подобныя вещи дѣлались ради ихъ.» (*) Эмпедокль также говоритъ, что они «подвержены наказаніямъ и мукамъ за грѣхи и преступленія, ими учиненныя... Это просто похоже на то, что разсказывается о Тифонѣ, что онъ «по злости и зависти сдѣлалъ много преступленій и, будучи уже преданъ огненному мученію, море и землю наполнилъ разнаго рода зломъ и бѣдствіями, и вслѣдствіе этого онъ подверженъ такой мукѣ. (**)

Другія изъ этихъ любопытныхъ свидѣтельствъ я оставляю въ тѣни, имѣя намѣреніе раскрыть здѣсь только то, что касается паденія. Впрочемъ мы опять возвратимся къ нимъ, когда будемъ разсматривать *преданія о возстановленіи*.

Кто теперь въ этомъ *Тифонѣ* египетскомъ, равно какъ въ *Ариманѣ* у персовъ, *Атеѣ* у Гомера, *сатанѣ* у евреевъ и христіанъ, не признаетъ того демона искушителя, древняго врага рода чело-

(*) «Наша брань, говоритъ святой Апостоль Павелъ, не противъ крови и плоти, но противъ начальствъ, противъ властей, противъ міроправителей тмы вѣка сего, противъ духовъ злобы поддѣльныхъ (Еф. 6. 12).

(**) Plutarque, de Isis et Osiris nom. XXIV, traduction d' Amyot. «Я не знаю, не слѣдуетъ ли намъ, (говоритъ еще Плутархъ въ *La Vie de Dion*, том. II.) принимать, какъ оно ни представляется намъ страннымъ, то мнѣніе, *переданное намъ древностию*, что есть демоны злобные и завистливые, которые по зависти нападаютъ на людей добродѣтельныхъ, ставятъ имъ препятствія въ добрыхъ дѣлахъ, вносятъ въ ихъ душу смущенія и страхи, колеблющіе, а иногда доводящіе до паденія ихъ добродѣтель, съ тою цѣлю что бы они, оставаясь твердыми и непоколебимыми въ добрѣ, не получили въ удѣлъ, по смерти, лучшую жизнь, чѣмъ собственная.»

вѣческаго, демона, который, самъ подвергшись *падению и наказанію* за *учиненное имъ преступленіе* противъ Бога, *по злобѣ и зависти* сдѣлался подстрекателемъ *ко всякому злу и наполнилъ землю всякаго рода зломъ и бѣдствіями?*

Откровеніе учитъ, что, съ того времени, мы сдѣлались рабами этого демона (если только не получаемъ благодатной помощи отъ Потомка жены, долженствующаго сокрушить главу его), что онъ раздуваетъ въ душахъ нашихъ разрушительное пламя похоти и страстей и является княземъ этого міра заблужденій и преступленій, въ которомъ мы живемъ. Точно также учатъ и преданія египетскія, какъ видно изъ слѣдующаго мѣста, которое у Плутарха читаемъ: «сторона души страстная, буйная, безразсудная, глупая есть *Тифонъ*, или происходитъ отъ *Тифона*, какъ показываетъ самое истолкованіе египетскаго слова; ибо египтяне *Тифономъ* называютъ Сета, которое значитъ тоже, «что вытѣсняющій, овладѣвающій, насилующій» (*). Плутархъ говоритъ, что Тифона изображаютъ въ видѣ крокодила; но другой языческій писатель, поэтъ Манилій, передаетъ, что его изображаютъ также въ образѣ *змія*, ходящаго на ногахъ, съ крыльями у лопатокъ и изгрыгающаго пламень ярости:

Anquipidem, alatis humeris Typhona furentem. (**)

Этимъ дополняется сходство преданій египетскихъ съ преданіемъ библейскимъ.

Если отъ персовъ и египтянъ мы перейдемъ къ индѣйцамъ, то и тутъ найдемъ мы тѣже преданія. — Самъ Вольтеръ, въ указанномъ уже нами мѣстѣ, признается, что *брагманы* въ особенности вѣрили въ паденіе и порчу человѣка; а ученый

(*) Plutarq. De Isis et Osiris, XLVII.

(**) Manilius, Astronom., IV, ver. 580.

историкъ и археологъ Морисъ, въ своемъ сочиненіи объ Индостанѣ, доказалъ, что исторія Адама и его паденія, въ томъ видѣ, какъ она рассказана у Моисея, подтверждается памятниками и преданіями индѣйцевъ.—Царь коварныхъ *Ассуровъ*, или демоновъ у нихъ называется царемъ змievъ. (*) Въ книгахъ индусовъ, по свидѣтельству другаго ученаго, говорится также о змivъ, называемомъ *Кали*, который, по сотвореніи, сдѣлалъ столь важныя преступленія, что для заглаженія ихъ потребно было воплощеніе *Вишну*. Это чудовище изображается *полуженщиною* и *полузмievъ* (**)

Неменѣе замѣчательны преданія китайцевъ. Философъ *Техуанзе*, согласно съ ученіемъ *Кингъ*, или священныхъ книгъ китайцевъ, учитъ, «что при сотвореніи *перваго неба*, человѣкъ былъ внутренно соединенъ съ верховнымъ Разумомъ, а по «внѣшней жизни исполнялъ всѣ дѣла правды. Его «сердце находило радость въ истинѣ и въ немъ не «было ни малѣйшей примѣси лжи. Тогда четыре «времени года елѣдовали одно за другимъ въ «правильномъ порядкѣ, безъ замѣшательства. Ничто «не было вредно человѣку, и человѣкъ былъ безвреденъ для всего. Всеобщее согласіе и стройность царствовали во всей природѣ. Но, по тому «же преданію, эти столпы неба сокрушились; земля потрясена была въ самыхъ основаніяхъ. *Когда* «*человѣкъ возмутился противъ неба*; система вселенной пришла въ безпорядокъ, и всеобщая гармонія разстроилась. Преступленія и бѣдствія разлились по лицу земли. (***) Всѣ эти зло-

(*) Histoire de l'Indoust., t. I. chap. XI.

(**) Dubois, t. III, 3-e part., p. 433. Смotr. такъ же Annales de la philosophie, t. VI, de l'Arie, p. 55.

(***) Ramasay, Discours sur la mythologie, p. 146. 148.

«ключенія, говорится въ книгѣ *Ликики*, произошли отъ того; что человекъ презрѣлъ верховную власть. Онъ захотѣлъ поспорить объ истинномъ и ложномъ, и этими спорами отогналъ отъ себя вѣчный Разумъ. Потомъ онъ сталъ разсматривать предметы земные и слишкомъ полюбилъ ихъ: отсюда родились страсти. Вотъ источникъ всѣхъ пороковъ и преступленій; и въ наказаніе за нихъ небо послало всѣ несчастія». (*) Кромѣ того, преданія китайскія, такъ же какъ и другія, происхожденіе зла возводятъ къ искушенію высшаго разумно-нравственнаго существа, возмущившагося противъ Бога и принявшаго на себя образъ змѣи. По смыслу этихъ преданій, гордый драконъ, *Тхилеу*, былъ первымъ виновникомъ возмущенія; и въ свойствахъ его имени, говоритъ де Паравей, находятъ мысль о зломъ пресмыкающемся, о жель и змѣи. Въ томъ же преданіи есть вопросъ о личности, называемой *Куг-Кугъ*, которая у китайцевъ представляетъ ту же идею-начальника всякаго зла: а въ книгѣ *Куеи-Тсангъ* говорится, что она имѣетъ лице человѣческое, а туловище пресмыкающагося, почему у Лопи называется чернымъ дракономъ. (**)

Въ Японіи преданіе также представляетъ намъ змѣю, составляющаго заговоръ противъ Творца и въ символическомъ изображеніи творенія выставляетъ картину огромнаго дерева, около котораго извивается страшный змѣй (***)

Другіе слѣды преданія, сходнаго съ преданіемъ, записаннымъ въ книгахъ Моисея, находимъ у мои-

(*) Id. ibid. p. 149.

(**) Annales de philosophie, t. XVI, p. 355. Explications du Chevalier de Paravey.

(***) Noel, Cosmogonie. — Japon.

головъ. «Такое (блаженное) состояніе нашихъ прародителей, говорятъ монголы, было непродолжительно; они тотчасъ узнали, что съ ихъ преступленіемъ исчезли всѣ виды ихъ блаженства, которыми до того времени украшалось ихъ существованіе. На поверхности земной въ изобиліи произрастало растеніе *шиме* (*schimoe*), бѣлое и сладкое, какъ сахаръ; видъ его соблазнилъ человѣка, который поѣлъ его; и все было кончено» (*).

Скандинавцы олицетворяютъ сына Лока, начальника зла, въ образѣ *змія*, который обвиняется около міра и выпускаетъ въ него свой ядъ (**).

Древніе скифы также говорили о себѣ, что происходятъ отъ *жено—змія* (***)).

Наконецъ въ ученыхъ, изучавшихъ преданія Америки, этой земли, показавшейся европейцамъ дѣвственною природою, неизмѣвшею никакой связи съ старымъ свѣтомъ Азіи и Европы, столько истоптанномъ людьми, сколько возбуждено было удивленія, когда оказалось, что въ этой землѣ болѣе, чѣмъ гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ, остался живой отпечатокъ древней исторіи, составляющей основаніе христіанства и въ немъ одномъ находящей свое разрѣшеніе. — Гумбольдтъ доказалъ, что въ древнѣйшихъ преданіяхъ мексиканцевъ, первая жена, называемая у нихъ *матерією нашей плоти*, всегда была представляема въ связи съ огромнымъ *зіемлѣмъ*. Это видимъ въ многочисленныхъ гіероглифическихъ изображеніяхъ, украшающихъ храмы этихъ народовъ; и эта жена называется по ихнему *Циуа-Когуальтѣ*, что слово въ слово зна-

(*) Benjamine Bergnam analysé par. t. F. Ozanam.

(**) Edda. — Introduction à l'histoire du Danemarx, par Mallet.

(***) Herodote et Diodore de Sicile.

чтъ жена для змія (*). — Въ послѣднее время, близъ одного города Пенсильваніи, открытъ памятникъ, также доказывающій, что въ этой части американскаго материка было распространено преданіе, сходное съ библейскою исторіею объ Адамѣ и Евѣ. Вотъ какой представленъ былъ отчетъ объ этомъ открытіи въ Ученомъ Обозрѣніи: «послѣднюю осень, разразилась страшная буря близъ Броуневилля, въ западной части Пенсильваніи, и вырвала съ корнемъ огромный дубъ; съ паденіемъ его открылась поверхность камня, величиною около шестнадцати квадратныхъ футовъ. На этой поверхности вырѣзаны многія фигуры, и между ними двѣ, представляющія изображенія человѣческія — мужа и жены, — посреди ихъ древо; жена держитъ плодъ въ рукѣ. На остальной части камня вырѣзаны олени, медвѣди и птицы. Дубу этому было по крайней мѣрѣ пятьсотъ или шестьсотъ лѣтъ существованія. Поэтому надобно полагать, что эти фигуры были вырѣзаны за долго до открытія Америки Колумбомъ» (**).

(*) De Humboldt, Vue des Cordilières et des monuments de l'Amérique, t. I, p. 237 et 274; t. II, p. 198. Смотри еще Noel, au mot Serpent. Annales de philosophie, t. VI. 23.

(**) Ann. de la littérature et des arts, t. X, p. 286 — 287. — На этой картинѣ нѣтъ змія. Но надобно замѣтить, что по разсказу библейскому, ему здѣсь не слѣдуетъ быть. Зміи служитъ только орудіемъ при искушеніи жены, а потомъ она уже соблазняетъ мужа. Такъ это замѣчается въ различныхъ преданіяхъ, и особенно преданіяхъ мексиканцевъ; всякой разъ когда жена представляется бесѣдующею съ зміемъ, тутъ она — одна безъ мужа; а когда она представляется съ мужемъ, какъ здѣсь, то не бываетъ уже змія. Это второе дѣйствіе, которымъ завершается паденіе прародителей, соответствуетъ дѣйствительно слѣдующимъ словамъ библейскимъ: она взяла плодъ его, и ѣла, также

Не станемъ больше выписывать свидѣтельствъ, дальнѣйшее приведеніе которыхъ послужило бы уже не столько для уясненія истины, сколько для удовлетворенія одного любопытства. Фактъ, который намъ хотѣлось доказать, выставленъ съ достаточною ясностію. Всѣ народы земли, какъ говорилъ Вольтеръ, вѣрили, что человекъ *палъ и поврежденъ*. Прибавимъ къ этому, что они, къ удивленію многихъ, вѣрили, что онъ палъ именно такимъ образомъ и при такихъ обстоятельствахъ, какъ сказано объ этомъ у Моисея, что невѣрію представляется наиболѣе невѣроятнымъ и оскорбительнымъ. Въ вѣрованіяхъ народовъ есть и плодъ запрещеннаго дерева, и злой духъ, въ образѣ *змія*, искушающій *жену*, и жена, обольщенная змиемъ, въ свою очередь обольщаетъ мужа, и отъ этого преступленія произошло все зло въ родѣ человеческомъ, и за преступленіе прародителей несетъ наказаніе все ихъ потомство; это общее содержаніе всѣхъ преданій всемірныхъ.

Отсюда я вывожу заключеніе, безъ всякаго намѣренія защищать эту основную истину нашей религіи:

У такого множества народовъ, такъ разрозненныхъ между собою и разсѣянныхъ, и во всемъ прочемъ такъ рѣзко отличающихся другъ отъ друга, могло оказаться согласіе относительно одного извѣстнаго факта не иначе, какъ вслѣдствіе того, что этотъ фактъ точно совершился въ самомъ началѣ ихъ общаго происхожденія и оставилъ глубокія послѣдствія въ самомъ корнѣ рода челове-

дала мужу своему и онъ палъ (Быт. 3. 6). Это замѣчаніе приведетъ къ другому еще болѣе важному замѣчанію, которое мы здѣсь объясняемъ, а выскажемъ его, когда будемъ разсматривать преданія объ ожиданіи Искупителя.

ческаго, такъ что здѣсь весьма можно сказать тоже, что сказала Кювье: «возможно ли, чтобы простой случай приводилъ къ столь поразительному слѣдствию? Возможно ли, чтобы понятія народовъ, такъ мало имѣющихъ взаимныхъ сношеній между собою, которыхъ языки, религія, нравы и обычаи ничего не имѣютъ общаго, сходились отъносительно сего предмета, еслибъ въ основаніи ихъ не лежала истина?»

Но тутъ есть еще особенность, имѣющая свою силу и значеніе. Фактъ, всеобщность вѣрованія въ который внушила Кювье такое рѣшительное заключеніе, — событіе всемірнаго потопа, — былъ фактъ простой, не безпримѣрный сравнительно съ подобными явленіями, повторяющимися на землѣ, хотя въ непрестанно меньшемъ видѣ, и который тѣмъ легче можно было представлять себѣ вездѣ, чѣмъ больше на всякомъ мѣстѣ попадалось естественныхъ основаній для этой увѣренности въ наружномъ состояніи земнаго шара. Между тѣмъ фактъ, о которомъ въ настоящее время разсуждаемъ мы, есть фактъ многосложный, чрезвычайный до чудесности, существенныя потребности котораго выходятъ изъ порядка, всецѣло сверхъестественнаго. А отсюда слѣдуетъ, что всеобщность вѣрованія въ этотъ фактъ тѣмъ болѣе неизъяснима, если это вѣрованіе не стоитъ твердо на глубокой истинности самаго факта, и что доказательство знаменитаго геолога тѣмъ большій пріобрѣтаетъ вѣсъ отъ чудесности предмета, къ которому оно примѣняется нами.

Чтобы сдѣлать мою мысль, сколько возможно понятною, да позволено будетъ мнѣ обратиться къ сравненію самому простому. Положимъ, что мнѣ дали отрѣзанный клочекъ карты и здѣсь на немъ разрѣзъ сдѣланъ прямой и правильный; мнѣ

попадаютъся и другіе клочки карты, я начинаю ихъ прикладывать одинъ къ другому, и оказывается, что они во всей точности приходятся къ первому данному мнѣ клочку. Тутъ можетъ имѣть мѣсто заключеніе, что клочки эти не случайно приходятся другъ къ другу, а потому, что составляютъ части одного цѣлаго. Теперь, положимъ, что мнѣ дали другой клочекъ карты, но уже не съ прямымъ и правильнымъ разрѣзомъ, а съ самыми причудливыми и неправильными уклоненіями отъ прямой линіи въ разрѣзѣ: но мнѣ удалось и къ этому клочку подобрать другіе и сложить изъ нихъ цѣлую карту, такъ же какъ и въ первомъ случаѣ. Этотъ послѣдній опытъ даетъ уже прямое основаніе положительно утверждать, что эти клочки безспорно принадлежатъ одному и тому же цѣлому.... Это сравненіе само собою примѣняется къ предмету нашего изслѣдованія. Если бы всемірныя преданія были сходны съ повѣствованіемъ Моисея только относительно простаго факта, что человѣкъ палъ и грѣхопаденіемъ разстроилъ свою природу, и это одно служило бы уже значительнымъ доказательствомъ истинности его разсказа. Но не въ общемъ только содержаніи разсказа оказывается здѣсь сходство, оно простирается также и на подробности, и притомъ на самыя исключительныя подробности. Что, въ самомъ дѣлѣ, исключительнѣе этихъ подробностей: весь родъ человѣческій палъ во зло чрезъ преступленіе перваго человѣка; самое это грѣхопаденіе перваго человѣка произошло при искушеніи со стороны жены,—жены, состоявшей въ сношеніи съ существомъ высшимъ, злымъ и злобнымъ и, что особенно, явившимся ей въ образѣ змѣя? Безъ сомнѣнія, никто не можетъ не согласиться, что всѣ эти обстоятельства чрезвычайны, исключительно странны, и само даже невѣ-

ріе, къ которому я обращаюсь въ настоящую минуту, согласится со мною, что они представляютъ нелѣпыми; по крайней мѣрѣ невѣріе всегда это говоритъ, и только этимъ орудіемъ ратуетъ противъ этой основной истины нашей религіи. И чтожь? Это самое орудіе обращается теперь въ защиту тойже истины: ибо всѣ вышеуказанныя обстоятельства, а преимущественно тѣ, которыя наиболѣе служатъ камнемъ преткновенія по своей кажущейся нелѣпости,—такъ какъ они вошли во всемірныя преданія,—по самой этой нелѣпости, становятся тѣмъ болѣе неоспоримымъ доказательствомъ совершенной истинности повѣствованія Моисеева, къ которому со всѣхъ сторонъ примѣняются эти преданія. Здѣсь то кстати сказать оное пресловутое изреченіе: *credo, quia absurdum est.* Да, чѣмъ болѣе странны, неправдоподобны, нелѣпы, если хотите, отличительныя обстоятельства повѣствованія Моисеева объ этомъ событіи; тѣмъ болѣе невозможно, чтобы у двухъ народовъ міра такъ всеобще и такъ тождественно измыслилъ ихъ здравый смыслъ человѣческой, и еслибы онъ не держался въ семъ случаѣ неизмѣнно одного великаго основанія, и тѣмъ болѣе необходимо допустить, что самое это событіе запечатлѣлось въ первоначальномъ преданіи съ такою силою, что отпечатокъ его сохранился во всѣхъ послѣдующихъ всемірныхъ преданіяхъ.

Съ какой бы стороны ни обращались къ разуму человѣческому, а объяснить всемірное согласіе относительно этого событія иначе невозможно, какъ только истинностію его, и притомъ истинностію во всей ея непреоборимой силѣ.

Чѣмъ болѣе оскорбительною для разума человѣческаго представляется тайна грѣха первороднаго, чѣмъ больше возникаетъ при ней противорѣ-

чій, чѣмъ болѣе она темна, непроницаема и непостижима; тѣмъ менѣе вѣроятно, что бы ее можно было естественнымъ порядкомъ внушить разуму человѣческому; и люди повсюду во вселенной рѣшились представлять ее и вѣровать въ нее вездѣ тождественно. Ибо что представляется нелѣпымъ одному, то еще болѣе должно такимъ же представляться двумъ, тремъ, десяти и т. д.; потому что здравый смыслъ человѣческій въ совокупности многихъ болѣе и болѣе обнаруживаетъ стойкости въ несогласіи принять и усвоить нелѣпость.

Пусть сколько угодно съ легкой руки взваливаютъ вину въ семь случаевъ на слабость разума человеческого и предполагаютъ его доступнымъ самымъ уродливымъ впечатлѣніямъ; я съ этимъ согласенъ. Но это самое служитъ непреодолимымъ препятствіемъ къ тому, чтобы *одно и тоже заблужденіе* было принято повсюду во вселенной и постоянно сохранялось, потому что таже самая легкость, съ какою разумъ человѣческій принимаетъ заблужденія и выдумываетъ новыя, тотчасъ же породила бы подобнаго же соперника извѣстному заблужденію, мѣсто котораго онъ и занялъ бы на время въ вѣрованіяхъ человѣческихъ. Если и случалось, что одно какое либо заблужденіе было всеобще признаваемо и принимаемо, то это возможно было только въ томъ случаѣ, когда это заблужденіе имѣло видимое сходство съ истинною и притомъ соотвѣтствовало естественному настроенію разума человеческого. «Всѣ народы могли боготворить солнце, говоритъ Малебраншъ, но почему? потому что это свѣтило ослѣпляетъ вообще всѣхъ людей. Но если одинъ несмысленный народъ сталъ боготворить мышей, за то другой сталъ бы боготворить кошекъ» (*).

(*) Voltere, Essai sur les moeurs, chap. CXX.

Итакъ съ какой бы стороны ни обращались мы къ разуму человѣческому—со стороны ли его здраваго смысла, по которому онъ никакъ не поддается долговременно носить однообразное иго заблужденія, или со стороны его слабости обманываться и быть обманутымъ, по которой онъ часто мѣняетъ заблужденія одни на другія, по различію времени и мѣста, — во всякомъ случаѣ приходимъ къ тому заключенію, что чѣмъ меньше подходитъ предметъ подъ условія правдоподобія, чѣмъ больше въ немъ страннаго и чрезвычайнаго; тѣмъ меньше на сторонѣ его можетъ оказываться случайной удачи относительно *всеобщности и непрерывности*, и что если при всемъ томъ за нимъ остаются эти свойства *всеобщности и непрерывности*, то необходимо допустить, что въ основаніи его лежитъ начало истины первобытной, тѣмъ болѣе могущественной, что она, для постояннаго поддержанія своего существованія повсюду, имѣла возможность защищать себя противъ собственныхъ кажущихся несообразностей.

Б.

Изслѣдованіе о жертвоприношеніяхъ.

«При всемъ множествѣ и разнообразіи религій, нѣтъ ни одной изъ нихъ, которая не поставляла бы главною цѣлю своею *очищеніе и заглаженіе грѣховъ*. Человѣкъ всегда чувствовалъ и «и сознавалъ, что онъ имѣетъ нужду въ прощеніи «и помилованіи» (*).

И эта истина также прошла подъ перомъ Вольтера. За это однакожь не слѣдуетъ благодарить его нисколько. Когда на лице столь громкій фактъ,

(*) Volter, Essai sur les moeurs, chap. CXX.

что оставалось ему дѣлать, при всей своей злобѣ, какъ признать его дѣйствительность, съ тою цѣлю что бы тотчасъ же осмѣять его слѣдствія, легкомысленно переносясь отъ одного предмета къ другому и вездѣ разсыпаясь выходками и замѣчаніями, изумляющими читателя! Такъ точно и поступилъ Вольтеръ въ настоящемъ случаѣ. Онъ высказалъ эту истину случайно, когда она срывалась съ его пера самою силою собственной своей тяжести и говорила, такъ сказать, сама за себя. Послѣ этого онъ уже нисколько не заботился объ ней, бросилъ ее безъ развитія и безъ всякаго вывода содержащихся въ ней слѣдствій, чтобы скорѣе перейти къ разнымъ наглостямъ; подобно тому какъ случайные родители безъ угрызенія совѣсти оставляютъ незаконнорожденныхъ дѣтей, которые родились отъ нихъ, вопреки ихъ намѣренію. Въ настоящее время у насъ уже не въ обычаѣ подобное легкомысліе. Напротивъ, если находятъ какую истину; останавливаются надъ ней, съ заботливостию и разборчивостию предлагаютъ относительно ея различные вопросы, чтобы извлечь изъ нея все, что можетъ быть въ ней существеннаго и имѣющаго связь съ верховною истиною, касающеюся нашей участи.

Но что же заключаетъ въ себѣ истина, съ которою такъ легкомысленно обошелся Вольтеръ? Она заключаетъ ни больше, ни меньше, какъ доказательство истинности Христіанской Религіи. Въ этомъ можно убѣдиться при помощи одного краткаго поясненія.

Во всѣхъ религіяхъ, несмотря на ихъ многочисленность и рѣзкое отличіе одной отъ другой, усматривается одна общая всѣмъ имъ цѣль, это—*очищеніе и заглазденіе грѣха*. Изъ этого факта первое слѣдствіе—то, что родъ человѣческій грѣ-

шенъ предъ Богомъ, и что грѣхъ этотъ всеобщій, какъ свидѣтельствуемъ всеобщее исканіе очищенія отъ грѣха; и слѣдственно, это грѣхъ прирожденный, ибо то не всеобще, что не прирожденно. Не по всей ли строгости логической вытекаетъ это слѣдствіе изъ истины, высказанной Вольтеромъ по наблюденіямъ? Какимъ образомъ всѣ люди, среди такого множества отличій, отдѣляющихъ ихъ другъ отъ друга, сохранили бы единство между собою касательно одного этого предмета, еслибы сила убѣжденія ихъ по этому предмету не происходила свыше и отъ самаго ихъ происхожденія, и еслибы къ искомой ими цѣли очищенія отъ грѣха не были они побуждаемы самою глубокою причиною? И это заключеніе еще большую силу пріобрѣтаетъ, при разсмотрѣніи его въ связи съ всѣми вышеннеложенными преданіями относительно первобытнаго паденія. Итакъ это первое слѣдствіе не подлежитъ сомнѣнію.

А вотъ и другое, не менѣе твердое. Когда преслѣдуютъ цѣль, значить питаются надеждою достигнуть ее; а когда преслѣдуютъ цѣль такъ упорно и неутомимо и такъ всеобще, значить имѣютъ прочное и застарѣлое основаніе надежды достигнуть ее. Отсюда слѣдуетъ, что цѣлю всѣхъ различныхъ религій родъ человѣческой единодушно свидѣтельствуемъ, что онъ, хотя неясно, но сильно надѣялся, и слѣдственно имѣлъ твердыя основанія надѣяться достигнуть дѣйствительнаго *заглажденія грѣха*, а потому и возстановленія; ибо загладить грѣхъ значить чрезъ наказаніе возстановить въ прежнее состояніе.

Наконецъ изъ той же опытной великой истины, съ которой мы начали, вытекаетъ и третье слѣдствіе. Такъ какъ всѣ религій, не смотря на ихъ повсюдное различіе, необходимо предполагаютъ, какъ

мы это объяснили въ другомъ мѣстѣ, одну истинную Религію, къ которой прочія относятся только какъ измѣненія ея, или поддѣлки подъ нее, болѣе или менѣе неудовлетворительныя; то поэтому всѣ онѣ съ Религіею истинною должны сходствовать общею всѣмъ имъ чертою, и слѣдственно этою чертою могутъ вести насъ къ познанію истинной Религіи. А такъ какъ общая всѣмъ религіямъ черта заключается въ ихъ цѣли *очищенія и заглаженія грѣха*; то слѣдуетъ, что истинная въ собственномъ смыслѣ Религія должна быть только та, которая обладаетъ дѣйствительнѣйшими средствами къ этой цѣли и самымъ дѣломъ ведетъ къ заглаженію грѣха и къ возстановленію рода человѣческаго; которая наилучшимъ образомъ соотвѣтствуетъ двойкой идеѣ о человѣкѣ, падшемъ чрезъ грѣхъ и подвергшемся всѣмъ его слѣдствіямъ, и возстаповляемомъ чрезъ очищеніе отъ грѣха и освобожденіе отъ всѣхъ его послѣдствій, — и рѣшаетъ такимъ образомъ величайшей важности вопросы, раздѣляющіе небо и землю, представляя изъ всѣхъ способовъ очищенія одинъ, соотвѣтствующій нуждамъ грѣшнаго человѣка и величію Бога, оскорбленнаго преступленіемъ человѣка. Это и есть Религія Христіанская.

Такимъ образомъ отъ словъ, высказанныхъ Вольтеромъ, сдѣлавъ три шага, мы подошли къ предѣламъ истинной Религіи; послѣ сего въ эту полуоткрытую дверь намъ остается лишь нѣкоторымъ образомъ толкнуть, что бы проникнуть въ самыя основанія христіанства.

Но отъ этого первоначальнаго обзрѣнія, кратко и въ общихъ чертахъ выраженнаго, перейдемъ къ другому, которое чрезъ множество подробностей приведетъ насъ къ тому же самому слѣдствію. Во всѣхъ различныхъ религіяхъ есть предметъ не-

менѣе постоянный и всеобщій, какъ цѣль ихъ; это — средство предлагаемое ими для ихъ общей цѣли. Средство это—*жертвы*.

Чтобы понять всю важность этого главнѣйшаго предмета нашего изслѣдованія, утвердимъ сначала дѣйствительность всеобщаго употребленія жертвъ съ ихъ существенными свойствами и принадлежностями, а потомъ постараемся раскрыть ихъ законное основаніе и значеніе.

1) Во всемъ просвѣщенномъ мірѣ теперь приносится только одна жертва: это таинственная жертва Иисуса Христа, совершаемая на всѣхъ алтаряхъ церкви Христовой и составляющая не что иное, какъ продолженіе великой жертвы, за осьмнадцать вѣковъ принесенной Имъ Самимъ въ Иерусалимѣ, на крестѣ голгоѣскомъ, и чрезъ которую всѣ христіане соединяются между собою по духу союзомъ вѣры и любви.

Въ прежнія времена, да и теперь, внѣ церкви Христовой, въ каждой религіи, у cadaго народа, у cadaго семейства, даже у cadaго частнаго лица были и есть свои жертвы. Такимъ образомъ, какъ бы далеко ни простирался взоръ нашъ въ область исторіи человѣческаго рода, всегда, и вездѣ во всѣхъ странахъ, мы видимъ челоѣчество томящееся всеобщею потребностію очищенія отъ грѣха и притомъ очищенія посредствомъ кровавыхъ жертвъ. Вездѣ челоѣкъ закалалъ жертвы у подножія алтаря, вездѣ старался укротить гнѣвъ небесный жертвенною кровію закалаемыхъ животныхъ. Во всѣ времена, среди городовъ, равно какъ и въ дикихъ лѣсахъ, какъ въ обществахъ младенствующихъ, такъ и въ клонившихся къ упадку, въ проливаемой крови жертвенныхъ животныхъ признавали очистительную силу, примиряющую небо съ землею. Особенно кровь челоѣческая счита-

лась наиболѣе умилостивляющею; и если естественная жалость обыкновенно отклоняла кинжалъ отъ сердца человѣческаго, за то она нисколько не препятствовала ему погружаться во внутренности животныхъ, наиболѣе близкихъ къ человѣку. Плиній, представляя Траяну письменный отчетъ о христіанахъ, говорилъ, что съ распространеніемъ ихъ ученія, общественныя торжища были завалены жертвами, оставшимися безъ покупателей. Это замѣчаніе Плинія показываетъ, что у древнихъ однимъ изъ главныхъ предметовъ внутренней торговли были жертвы; до того насущна была въ нихъ потребность.

«Нѣтъ никакой необходимости, говоритъ одинъ ученый англичанинъ, въ особенности изучавшій по источникамъ обычаи Англіи, — доказывать по «правиламъ и по всей строгости, что обычаи за-
«калатъ умилостивительныя жертвы, въ то или
«другое время, былъ въ употребленіи во всѣхъ стра-
«нахъ земнаго шара и одинаково былъ выполня-
«емъ какъ необразованными, такъ и просвѣщен-
«ными народами. Дикій идолопоклонникъ новаго
«свѣта и образованный послѣдователь древняго
«многобожія одинаково вѣровали, что безъ проли-
«тія крови грѣхъ не можетъ быть отпущенъ. Такъ
«какъ жизнь животнаго не всегда считалась доста-
«точною для заглаженія виновности преступленія
«и для отклоненія гнѣва небеснаго; то нерѣдко тре-
«бовалась смерть болѣе благородной жертвы, и
«олтари язычества орошались потоками крови че-
«ловѣческой. (*)

Мы настаиваемъ на изложеніе этого многознаменательнаго факта, потому что привычка слышать объ немъ, какъ намъ думается, ослабляетъ впечат-

(*) Faber, Horee Moseicae.

лѣніе, какое долженъ онъ производить, и мы не обращаемъ на него всего вниманія, какого требуется его важность.

Въ самомъ дѣлѣ, сколько достопримѣчательнаго въ этомъ историческомъ явленіи, что такой странный, такой чрезвычайный обычай искать умилоствленія Божества кровію былъ столько всеобщимъ! Пусть бы такая странная и дикая мысль явилась у какого нибудь грубаго народа, въ какомъ нибудь отдаленномъ уголкѣ міра, это бы еще было понятно; но когда все народы, какъ бы по согласію, одинаково выполняютъ ту же мысль, когда она составляетъ главный предметъ, прежде всего замѣчаемый нами всегда и вездѣ, когда все ею полно, даже и теперь весь міръ единодушно подчиняется ей, такъ что въ сравненіи съ нею нѣтъ ничего столь постояннаго и столь всеобщаго: то это явленіе, по истинѣ, представляется чудомъ и не можетъ быть обойдено безъ объясненія, соответствующаго его важности. На это я вызываю всякаго человѣка, любящаго заниматься рѣшеніемъ трудныхъ умственныхъ вопросовъ. Здѣсь есть предметъ достойный изслѣдованія.

Этимъ явленіемъ былъ пораженъ философъ Шарро и вопросъ о немъ поставилъ въ такомъ видѣ: «все религіи сходятся между собою въ вѣрованіи, что главнѣйшее и наиболѣе благоугодное служеніе Богу и дѣйствительнѣйшее средство умилоствить Его и заслужить Его благоволеніе состоитъ въ выкупѣ себя отъ наказанія... Свидѣтели сего по всему міру, во всѣхъ религіяхъ... Каждый день повторяется тоже съизновна, и прірода человѣческая никогда не перестаетъ изобрѣтать средства искупать себя отъ наказанія... Какая мысль служитъ основаніемъ жертвъ, до распространенія христіанства, бывшихъ во всемъ

«міръ всеобщими, и для которыхъ употреблялись
 «не только невинныя животныя, закалаемыя для
 «пролитія ихъ крови, какъ драгоценнато дара Бо-
 «жеству, но (*странное дѣйствіе оъяненія рода*
 «*человѣческаго!*) и вѣжные, невинныя младенцы,
 «и зрѣлые люди... обычаи, совершавшійся съ ве-
 «ликою торжественностію и набожностію у всѣхъ
 «народовъ... Какое умопомѣшательство, думать уго-
 «дить Божеству безчеловѣчіемъ, приобрѣсть его
 «благоволеніе человѣческимъ страданіемъ, удовле-
 «творить его правдѣ жестокостію! Слѣдственно,
 «правда жаждетъ невинной крови, добываемой и
 «проливаемой съ такими скорбями и мученіями?!
 «Откуда могла возникнуть мысль и перейти во все-
 «общее вѣрованіе, что Богъ находитъ удовольствіе
 «въ мученіяхъ и разрушеніи Его твореній и при-
 «роды человѣческой? (*)

Эти мысли Шарро дѣлаютъ честь его фило-
 софскому уму. Онъ не безъ основанія возмущался
 отъ заблужденій человѣческаго разума въ употре-
 неніи жертвъ; но несмотря на естественное движеніе
 увлекающаго его чувства, онъ останавливается
 предъ тою мыслию, что такой обычай былъ всеоб-
 щій и до того закоренѣлый въ родѣ человѣческомъ,
 что вопросъ о его происхожденіи можетъ соста-
 вить задачу, достойную рѣшенія. Онъ однакожъ не
 потрудился надъ разрѣшеніемъ этой задачи, и это
 несколько неудивительно. Съ разумомъ человѣче-
 скимъ въ общемъ развитіи его бываетъ то же, что
 и съ разумомъ каждаго человѣка въ частности. Его
 взоры лишь поздно раскрываются для извѣстныхъ
 предметовъ; потому что и вниманіе его пробуждается
 подобными предметами и привычка разсуждать
 о нихъ на основаніи довѣрія къ другимъ и слѣдо-

(*) Charron, De la Sagesse, lib II, chap. V.

вать теченію понятій обычныхъ не позволяетъ ему останавливаться надъ людьми и судить о нихъ независимо. Въ нашъ вѣкъ, собственно говоря, нѣтъ понятій обычныхъ, и все дѣлается какъ бы съ основанія, такъ что любознательный разумъ свободно можетъ предаваться изслѣдованію началъ и причинъ и къ этому даже возбуждается пустотою и ничтожествомъ всего его окружающаго: все это—въ соединеніи съ глубокою искренностію не могло не вести къ раскрытію истины, болѣе чѣмъ прежде, глубокому и основательному и къ утвержденію ея на основаніяхъ болѣе обширныхъ и величественныхъ. Настоящій предметъ изслѣдованія нашего одинъ изъ тѣхъ, которые въ высшей степени живо занимали подобное настроеніе людей мыслящихъ. Главнѣйшими пріобрѣтеніями такого вниманія, посвященнаго предмету нашему, были пополненіе данныхъ, относящихся къ этому вопросу, и большее уясненіе, въ сознаніи, возможности его рѣшенія.

И то одно уже поразительно, что всѣ религіи имѣли всегда одну и ту же главную цѣль, — *закладеніе грѣха*. Къ этому явленію присоединяется еще то, что всѣ онѣ повсюду въ мірѣ преслѣдовали эту цѣль однимъ и тѣмъ же средствомъ—*жертвами*. Но что обряды и условія жертвы были повсюду и неизмѣнно одни и тѣже и такое тождество оказывается съ тѣхъ именно сторонъ, гдѣ менѣе всего можно представить его по простому взгляду одного разума, это составляетъ высшую степень необычайности и еще болѣе предполагаетъ сокровенный законъ, величайшей важности истину, выражаемую этимъ обычаемъ.

Пять главнѣйшихъ принадлежностей всегда встрѣчаются въ жертвоприношеніяхъ: *первая—та*, чтобы жертвою было нѣчто особое, отдѣльное отъ

преступника, за котораго она должна служить выкупомъ; *вторая* — та, что бы жертва была сама по себѣ, сколько возможно, невинна и непорочна, или естественно, или символически; *третья* — та, чтобы жертва была, по возможности, человѣческая, въ этомъ смыслѣ, сколько могло допускать естественное чувство состраданія и человѣколюбія, перѣдко бывали жертвы собственно человѣческія, а всегда изъ домашнихъ животныхъ, но никогда изъ животныхъ дикихъ; *четвертая* — та, что бы жертвоприношеніе было кровное, и только съ пролитіемъ крови соединялось дѣйствительное значеніе жертвы; *пятая*, наконецъ, та, что бы одна часть жертвы сожжена была огнемъ, другая съѣдена жрецами и народомъ. Вотъ существенныя свойства жертвъ, почти нигдѣ и никогда въ мірѣ неизмѣняемыя.

Но я утверждаю, что всеми этими свойствами еще болѣе устраняется мысль о возможности происхожденія подобнаго обычая отъ случая, или изобрѣтательности человѣческаго разума, оставленнаго своимъ собственнымъ силамъ, и что, напротивъ, въ основаніи его лежитъ какое-то высшее начало, которое требуется найти. Въ самомъ дѣлѣ, случай не производитъ ничего всеобщаго и однообразнаго. Отъ разума человѣческаго когда выходятъ какія нибудь заблужденія и нелѣпости, тутъ неизбѣжно бываетъ разнообразіе и непостоянство; если же происходитъ какой либо обычай, сообразный съ здравымъ смысломъ человѣческимъ и началами ума, на долю такого обычая не выпадетъ та особенность, чтобы онъ прямо былъ оскорбителенъ для здраваго смысла и обыкновенныхъ началъ познанія. Между тѣмъ что можетъ быть болѣе несообразно съ естественными потребностями разума, какъ всѣ вышеуказанныя принадлежности жертвъ? Разумъ, еслибъ

отъ него потребовалось мнѣніе по предмету первой принадлежности жертвъ, безъ сомнѣнія, требоваль бы наказанія самаго преступника, а о томъ, что для пользы преступника можно подвергнуть наказанію вмѣсто его, другаго невиннаго, онъ не могъ бы и подумать. По крайней мѣрѣ разумъ рѣшительно требоваль бы въ семъ случаѣ, чтобы жертва сама по себѣ достойна была своей участи, хотя бы подвергалась ей и въ облегченіе участи другаго, и не составляла бы на самомъ дѣлѣ чего нибудь наиболѣе достойнаго нашего участія и соболѣзнованія, каковы: голубь, ягненокъ, младенецъ, юная дѣвица, наиболѣе невинная и благородная и наиболѣе пользующаяся правами на жизнь. Разумъ, наконецъ, ничего рѣшительно не понимаетъ ни въ томъ преимуществѣ, какое соединяется въ особенности съ пролітіемъ крови при жертвоприношеніяхъ, ни въ набожномъ сѣденіи остатковъ жертвы. Такимъ образомъ употребленіе жертвъ не можетъ быть изъяснено ни случаемъ, ни глупостію людскою, ни требованіями разума.

А между тѣмъ этотъ фактъ существуетъ въ такомъ видѣ. Кто-то сказалъ, что онъ всегда относится съ нѣкоторымъ чувствомъ уваженія къ идеѣ *вѣрка*, и, какъ бы ни былъ развращенъ извѣстный вѣкъ, никогда ненадобно предавать его проклятію безусловно. Если такъ слѣдуетъ относиться къ одному какому нибудь вѣку, то тѣмъ болѣе тоже должно соблюдать ко всѣмъ вѣкамъ и ко всему роду человѣческому. Итакъ останемся при той мысли, что въ обычаѣ приносить жертвы не все достойно осужденія и что въ основаніи этого всеобщаго учрежденія лежитъ какая то существенная истина, представляющая немало важныхъ обстоятельствъ, служащихъ къ его извиненію. Чѣмъ болѣе все здѣсь представляется непонятнымъ для разумѣнія каждо-

го изъ насъ; тѣмъ болѣе непонятно и то, чтобы разумъ всего человѣческаго рода могъ питаться съ упоеніемъ и такъ слабодушно предаваться обычаю столь странному, еслибъ онъ не былъ первоначально расположенъ къ тому какою нибудь могущественною причиною. —

Но какая же это причина? Въ этомъ вся загадка, и пора уже предложить ея разрѣшеніе.

2. Всякій обычай, коль скоро онъ *всеобщій*, надобно признавать, какъ мы сказали, *первобытнымъ*, особенно, когда онъ для разума представляется неестественнымъ; потому что непонятно, какимъ образомъ люди, находясь въ состояніи разсѣянiя и разрозненности другъ отъ друга, могли бы согласиться, или случайно сойтись въ мысляхъ касательно такого обычая. Поэтому въ подобныхъ случаяхъ надобно восходить къ тому времени, когда еще составляли всѣ они небольшое, какъ одно семейство, дабы дойти до источника того, что хранится у нихъ какъ общее достояніе. Всеобщность обычая приносить жертвы произошла не отъ случая, или слѣпаго инстинкта, а отъ первобытнаго единства Религіи, вмѣстѣ съ единствомъ происхожденія человѣческаго рода. Первоначально всѣ поколѣнія и частныя общества человѣческія были достаточно наставляемы своими родоначальниками, или основателями, а особенно что касается религіи. Истина всегда предшествуетъ заблужденію и лжи, потому что заблужденіе есть нечто иное, какъ уклоненіе отъ истины, а ложь — извращеніе истины. Поэтому заблужденіе предполагаетъ истину, а всякое заблужденіе всеобщее — великую истину первоначальную и первобытную. Здѣсь надобно опять припомнить глубокое изреченіе Аристотеля, уже прежде приведенное нами:

«вы желаете найти несомнѣнную истину? тщательно отдѣляйте то, что есть первобытнаго и того держитесь. Это—точно догматъ праотеческій, учене божественное» (*).

Но если мы желаемъ искать того, что есть *первобытнаго*, то можемъ навѣрное остановиться на преданіяхъ, записанныхъ у Моисея, истина которыхъ такъ строго подтверждается удивительнымъ согласіемъ ихъ съ показаніями природы физической и нравственной, и о которыхъ можно сказать: *это догматъ праотеческій, учение Божественное.*

Въ этомъ отношеніи преданія Моисеевы сами собою выставляются во всей истинѣ, какъ только обратимъ вниманіе на одно частное обстоятельство, касающееся предмета нашихъ изслѣдованій.

Служеніе единому Богу, какъ Существу духовному и всесвятому (*теизмъ*), всегда предшествовало *многобожію* у всѣхъ народовъ. Это фактъ несомнѣнный, это и есть *первобытное*. Но такое служеніе единому Богу сохранялось только у одного народа израильскаго, тогда какъ въ прочихъ странахъ земнаго шара было утрачено. Слѣдственно, у этого народа оказывается на самомъ дѣлѣ отдѣленіе того, что есть *первобытнаго* въ семь отношеній; и такъ какъ жертвоприношенія всегда составляли существенную часть его богослуженія, то необходимо согласиться, что здѣсь представляется намъ первообразъ древняго богослуженія. Вѣрность израильтянъ въ сохраненіи служенія истинному Богу служить надежнымъ ручательствомъ за сохраненіе ими истины относительно основной при-

(*) Si quis ipsum solum primum separando; hoc est enim paternum dogma; divine profecto dictum putabit (Arist. Metaphys. t. XII, Cap. VIII).

чины жертвоприношеній, составлявшихъ всегда часть ихъ богослуженія. И особенно здѣсь достойно примѣчаніе то, что израильтяне, во всемъ прочемъ отдѣлявшіеся отъ другихъ народовъ, даже въ самыхъ понятіяхъ о Богѣ, не отдѣлялись отъ нихъ въ обычай приносить жертвы; что само собою уже доказываетъ, что этотъ обычай состоялъ въ самой тѣсной связи съ почитаніемъ Божества и по существу своему первобытный, какъ это мы видимъ, впрочемъ, и въ другихъ сказаніяхъ объ этомъ древнѣйшемъ изъ народовъ.

И такъ по суду самаго разума намъ надобно обратиться къ этому народу. И если мы узнаемъ, какая была основная причина употребленія жертвъ народа израильскаго; то у насъ будетъ ключъ къ изъясненію тогоже обычая у другихъ народовъ и къ уразумѣнію того, какимъ образомъ эти народы могли постепенно исказить этотъ обычай и его знаменованіе.

Итакъ обратимся сначала къ народу израильскому, и спросимъ у него, на какомъ основаніи приносилъ онъ жертвы. Одинъ изъ его знаменитѣйшихъ пророковъ, Даніилъ ясно указываетъ намъ это основаніе: «Послѣ шестидесяти двухъ седмиць, говоритъ онъ въ своемъ предсказаніи о Мессіи, ожиданіе котораго восходитъ къ первымъ поколеніямъ, — *будетъ преданъ смерти Христосъ... и всесожженіе и жертвы прекратятся.*» (*) Этимъ обстоятельствомъ отмѣненія жертвъ объясняется основная причина ихъ установленія. Если дѣйствительно жертвъ Христовой надлежало положить конецъ другимъ жертвамъ; то очевидно, что для сихъ послѣднихъ Христосъ былъ не только предѣломъ ихъ употребленія; но и предметнымъ ихъ содержаніемъ и основаніемъ ихъ установленія.

(*) Даніил. IX. 26, 27.

Точно таково есть первоначальное торжественное основаніе жертвъ. Тѣмчасъ послѣ паденія рода человѣческаго обѣщанъ былъ Искупитель, которому надлежало явиться для освященія всѣхъ народовъ. Ему надлежало принести выкупъ за наследственное преступленіе собственнымъ самопожертвованіемъ даже до смерти преступниковъ, дабы въ Своихъ страданіяхъ и смерти открыть имъ источникъ очищенія отъ грѣха и благодатнаго освященія. Чтобы поддержать въ родѣ человѣческомъ вѣру въ обѣтованнаго Искупителя и въ имѣющее совершиться чрезъ Него въ будущемъ спасеніе, и вѣрующихъ сдѣлать причастниками плодовъ Его, для этого установлены были Самимъ Богомъ, обѣщавшимъ послать Искупителя, жертвы, съ тою цѣлію дабы постоянно напоминать человѣку грѣшнику, что его моленія, возносимыя къ Богу, не иначе могутъ быть принимаемы правосудіемъ небеснымъ, какъ при посредствѣ Ходатая. Таково происхожденіе жертвъ. Они должны были служить только прообразами великой жертвы Мессіи и слѣдственно, должны были подлежать отмѣненію, какъ только имѣла совершиться эта самая жертва, дабы дать мѣсто другому установленію въ томъ же родѣ, для непрестаннаго напоминанія имъ точнѣе всегдашняго продолженія этой жертвы при совершеніи ея: я разумѣю таинство Евхаристіи, которая есть нечто иное, какъ продолженіе крестной жертвы Иисуса Христа, подобно тому какъ ветхозавѣтныя жертвы были постоянными прообразами ея.

Эта мысль лежитъ въ основаніи ученія о жертвахъ. И есть много доказательствъ и авторитетовъ, придающихъ такому объясненію высшую степень достовѣрности. «Всеобщность обычая приносить жертвы, говоритъ ученый Фаберъ, естест-

«венно поставляетъ насъ въ необходимость доис-
 «квиваться источника, откуда могъ произойти этотъ
 «обычай, столь неизъяснимый, когда при объясне-
 «нїи его слѣдуютъ только началамъ одного естест-
 «веннаго разума. А между тѣмъ, хотъ и противъ во-
 «ли, мы должны обратиться къ священной исторїи,
 «такъ какъ она одна, поистинѣ, способна дать
 «намъ самый удовлетворительный отвѣтъ на воп-
 «росъ о происхожденїи этого обычая и о знамени-
 «ванїи жертвъ. — Когда всемогущему Богу благо-
 «угодно было открыть Свое милосердное опредѣле-
 «нїе объ искупленїи, ниспадшаго въ погибель, рода
 «человѣческаго; тогда въ высшей степени было по-
 «требно установить какой либо видимый знакъ,
 «внѣшнее напоминанїе, посредствомъ котораго таин-
 «ственное жертвоприношенїе голгоѣское могло быть
 «пророчесвенно передаваемо всему потомству Ада-
 «ма. Съ этою цѣлю жертвенное животное чистое,
 «безъ всякаго недостатка, первородное отъ стада,
 «было тщательно избираемо; и послѣ того какъ
 «выпускали изъ него кровь, оно торжественно воз-
 «лагалось на алтарь Іеговы для всесожженїя. И ког-
 «да этотъ первобытный законъ былъ снова под-
 «твержденъ при установленїи священства левит-
 «скаго; то особеннымъ образомъ поставлялось въ
 «обязанность наблюдать два обстоятельства: *что-*
 «*бы въ жертву избиралось первородное*, и *что-*
 «*бы жертвоприношенїе совершалось посред-*
 «*ствомъ огня*. — Замѣчательно, что объ эти пер-
 «вобытныя принадлежности жертвоприношенїй о-
 «бычаемъ во всей строгости сохранились въ мїрѣ
 «языческомъ. Гомеръ передаетъ намъ, что между
 «его согражданами былъ почти общїй обычай, при
 «совершенїи жертвы, состоящей изъ ста живот-
 «ныхъ, приносить ягненка *первороднаго* (*). Древ-

(*) Iliad. IV, ver. 202.

«ніе Готы признавали за начало, что пролитіе
 «крови животныхъ укрощаетъ гнѣвъ боговъ и
 «ихъ правосудіе обращаетъ на жертву нака-
 «занія, назначенныя виновнымъ людямъ (*). И-
 «ногда закаляли они для жертвоприношенія даже
 «людей, тѣла которыхъ сожигали потомъ священ-
 «нымъ огнемъ, а выпущенная изъ нихъ кровь,
 (что особенно соотвѣтствуетъ постановленіямъ кни-
 «ги Левитъ), употреблялась для помазанія частию
 «предстоящихъ, а частию деревъ священной рощи.
 «Даже у жителей Америки существуютъ подобные
 «обычаи и для удовлетворенія тѣмъ же требовані-
 «ямъ; и первоначальное намѣреніе, съ какимъ они
 «были установлены, было хорошо извѣстно таин-
 «ственнымъ жрецамъ Британіи, единодушно пропо-
 «вѣдывавшимъ, что пока преступленіе нашего
 «грѣшнаго рода не будетъ омыто кровію од-
 «ного человека, до тѣхъ поръ никогда не ук-
 «ротится гнѣвъ безсмертныхъ боговъ.—Отку-
 «да могъ произойти такой всемірный обычай, ес-
 «ли не изъ глубокаго древнѣйшаго сознанія наше-
 «го нравственнаго поврежденія; если не изъ пре-
 «данія, говорившаго о потребности истинной жер-
 «твы, которую надлежало принести за грѣхи всѣхъ
 «людей» (**)?...

Послѣ мы увидимъ, какимъ образомъ это пре-
 даніе говорило объ указанной потребности въ на-
 рода израильскаго. А теперь замѣтимъ только, что
 у этого одного народа сохранялся въ своей перво-
 бытной простотѣ обычай жертвоприношеній; и въ
 среду его никогда не проникало страшное обыкно-
 веніе приносить въ жертву людей. Это обыкнове-
 ніе даже воспрещено было со всею строгостію слѣ-

(*) Mallets North. antiqu. vol. I, c. VII

(**) Faber, Horae Mosaicae.

дующимъ постановленіемъ книги Левитъ: «ты не долженъ отдавать дѣтей своихъ Молоху... Не оскверняйтесь такими гнусными дѣлами, какъ дѣлаютъ тѣ народы, которыхъ Я прогону предъ вами, въ наказаніе ихъ за беззаконія» (*). Причина такого отсутствія человѣческихъ жертвъ въ народѣ израильскомъ заключается въ томъ, что въ немъ сохранялись истинныя установленія жертвъ, бывшихъ только прообразами имѣвшей совершиться въ будущемъ жертвы Мессіи, и для этого было достаточно обыкновенныхъ животныхъ. Отсюда можетъ быть понятно и то, почему единъ Богъ, установившій принесеніе жертвъ, представляется нерѣдко въ Писаніи, отвергающимъ жертвы: «ужели Я имѣю нужду въ вашихъ жертвахъ?» говорилъ Онъ Израилю. Такое противорѣчіе объясняется тѣмъ, что такъ какъ жертвы были только прообразами великой жертвы голгоѣской; то въ этомъ только значеніи онѣ не могли быть угодны Богу, — но дѣлались недостойны Его и отвергались Имъ, какъ скоро плотской народъ соединялъ съ ними независимое значеніе предъ Богомъ. По этому же вопросу Паскаль рассуждаетъ такимъ образомъ: «если жертвы сами по себѣ имѣютъ значеніе и силу; то слѣдуетъ допустить, что онѣ угодны Богу и не бываютъ не угодны Ему. Если же онѣ прообразы, то надобно согласиться, что онѣ могутъ быть и угодными и не угодными Богу. Но въ св. Писаніи онѣ вездѣ представляются и угодными и неугодными; слѣдственно онѣ — прообразы» (**).

(*) Левит. XVIII, 21. Жервоприношеніе Исаака, какъ извѣстно, не состоялось; это было не что иное, какъ испытаніе, и вмѣстѣ прообразъ истинной жертвы другаго Потомка Авраамова.

(**) Pensées 2-e partie, art. IX.

Если бы жертвы имѣли сами по себѣ значеніе и силу; то онѣ достигали бы своей цѣли, состоявшей въ искупленіи рода человѣческаго; но искупленію надлежало совершиться только жертвою Мессіи; слѣдственно Онъ и былъ истинною жертвою, которую имѣли въ виду вѣрующіе, когда закалали другія жертвы. Въ такомъ точно состояніи и представляется Онъ неоднократно: «Онъ явился намъ, говоритъ Исаія, презрѣннымъ, послѣднимъ изъ людей, человѣкомъ болѣзней, умѣющимъ только страдать. Онъ поистинѣ принялъ на Себя наши болѣзни и Самъ на Себѣ понесъ наши страданія. Онъ покрытъ ранами за наши беззаконія, и преданъ смерти за наши преступленія. На Него пала казнь, долженствовавшая принести намъ миръ; и ранами Его мы исцѣлились. Онъ преданъ на страданія, потому что на это была Его воля; и Онъ не отверзалъ устъ. Онъ будеть веденъ на смерть, какъ овца, ведомая на закланіе; какъ агнецъ безгласенъ предъ убивающимъ Его; такъ Онъ пребудетъ въ молчаніи, не отвергая устъ. Осужденный судіями, Онъ умираетъ среди болѣзней» (*). Эта пророческая рѣчь, если не относитъ ея къ Мессіи, не имѣетъ приложенія ни къ кому; потому что кромѣ Его во всей исторіи народа израильскаго нѣтъ даже и вопроса о другой жертвѣ человѣческой.

Истина эта въ самомъ началѣ христіанства поставлена во всемъ свѣтѣ св. Апостоломъ Павломъ, въ посланіи къ Евреямъ. Св. Павелъ, еще до обращенія своего ко Христу, въ школѣ Гамалелла, глубоко изучившій науки еврейскія, въ посланіи къ Евреямъ старается раскрыть глаза удеямъ и ввести ихъ въ духъ закона Моисеева о жертвахъ, вся

(*) Исаія, 53, ст. 3 и слѣд.

обрядность которыхъ, по его изъясненію, имѣеть отношеніе къ Мессіи. Здѣсь онъ между прочимъ представляетъ слѣдующее, полное силы, доказательство: «законъ, имѣя тѣнь будущихъ благъ, а не «самый образъ вещей, одними и тѣми же жертва- «ми, каждый годъ постоянно приносимыми, никог- «да не можетъ сдѣлать (праведными и) совершен- «ными входящихъ съ ними (къ алтарю). Иначе «бы перестали приносить ихъ; потому что прино- «сящіе жертву, бывъ очищены однажды, не имѣ- «ли бы уже никакого сознанія грѣховъ. Но жерт- «вами ежегодно напоминаетъ о грѣхахъ. Ибо «невозможно, чтобы кровь тельцовъ и козловъ у- «ничтожала грѣхи. Посему Сынъ Божій, входя «въ міръ, говоритъ: «жертвы и приношенія Ты не «восхотѣлъ, но уготовалъ Мнѣ тѣло (съ которымъ «Самъ могъ быть жертвою). Тогда Я сказалъ: се, «иду, какъ въ началѣ книгъ написано о Мнѣ, ис- «полнить волю Твою, Боже. Отмѣняетъ первая «жертвы, чтобы поставить вторую. По сей-то волѣ «освящены мы единожды приношеніемъ тѣла «Иисуса Христа» (*). Это опять приводитъ насъ къ тому пророчеству Данила, съ котораго мы нача- «ли: «Христосъ преданъ будетъ смерти,... и отмѣне- «ны будутъ жертвы и приношенія,» такъ какъ онѣ «были прообразами и тѣнями истины.

(*) Евр. 10.

С Л О В О

СКАЗАННОЕ ПО ОСВЯЩЕНІИ ХРАМА ВО ИМЯ

СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ,

ВЪ НИКОЛАЕВЕСКОМЪ КОЗЛОВЕСКОМЪ БОГАДЬ-
ЛЕННОМЪ ДОМЪ,

17 Іюля 1866 года.

Милуй нища взаимъ даетъ Богови.

Милосердіе, это прекрасная добродѣтель, вносящая сладость въ сердца милуемыхъ и милующія, то онъ сердечнаго огрубѣнія, то отъ самолюбивой расчетливости, часто принижается, оскудѣваетъ и требуетъ возбужденій.

Слово Божіе, возбуждая къ милосердію особенно практическихъ людей вѣка сего, ясно говоритъ, что пожертвованія на дѣла милосердія не остаются мертвымъ капиталомъ, что это есть вкладъ самый вѣрный и выгодный; ибо заемщикомъ здѣсь самъ Господь, Который сторицею воздастъ милующему за нищаго. *Милуй нища взаимъ даетъ Богови.*

Не смущайтесь поэтому, достопочтенные и возлюбленные братіе, жертвователи и труженики для устроенія сей обители убогихъ. Подъ опекой у Бога пребываютъ тѣ, коимъ вы открываете убѣжище. Какаго же еще нужно завѣренія въ томъ, что ваша жертва не есть трата непроеводительная? Тодько приносилась бы она ради Бога и поль-

зовались бы ею о Бозѣ. Домъ сей надпишется *Богодѣльня* за тѣмъ, чтобы всѣ знали, что устроенъ онъ во славу имени Бога, Который есть море милостей, Который особенно печется о всѣхъ страдальцахъ міра и особенно благоволяетъ къ тѣмъ, кои, по подражанію Его милосердію, сострадательно и дѣятельно относятся къ несчастіямъ ближнихъ. Домъ сей надпишется *Богодѣльня* для того, чтобы всѣ тѣ, кои найдутъ здѣсь тихій уголь, безъукорный кусокъ хлѣба, помнили, что это имъ даетъ самъ Господь руками боголюбцевъ и что за эту милость они обязаны день и ночь возносить горячія молитвы за земныхъ благодѣтелей ко Всевышнему Милостивцу, безъ участія Коего всѣмъ людямъ слишкомъ тяжело было бы жить на этой черствой землѣ, безъ утѣшеній Коего слишкомъ горько и невыносимо было бы страдать отъ бѣдъ, каждаго всюду окружающихъ.

И міръ весь можно назвать *Богодѣльнею*. Созданный Господомъ, онъ былъ прекраснымъ и блаженнымъ раемъ; но челоѣчество внесло въ него свои рубища — грѣхи, свои болѣзни — страсти, свои стоны и слезы — горькіе плоды уклоненія отъ Бога. И самая жалкая была бы эта богодѣльня, еслибы не призрѣвалъ ее своимъ промысленіемъ и особенно — искупленіемъ Господь, единый благодѣтель собственно и истинно; ибо Онъ одинъ благодѣтельствуетъ всѣмъ, не имѣя нужды ни въ комъ и ни въ чемъ.

И каждый домъ обитаемый можно назвать бо-

гадильнею. Ибо есть ли хоть одинъ домъ вполне счастливый? Тамъ стонетъ нужда, здѣсь болѣзнь, тамъ слышатся рыданія, ни въ чемъ не находящія утѣшенія, здѣсь рвется къ небу дума затаеннаго несчастія, безмолвно повѣряемая. Тому одному, Кто говоритъ громами и молніями.

И каждого человѣка можно назвать *богадильникомъ.* Ибо всѣ, по ученію Апостольскому, *еще ямы, еще ли піемъ, еще ли ино что творимъ, все во славу Божию да творимъ.* Если и служимъ другимъ отъ избытковъ своихъ: то что мы за благодѣтели, сами суще то слѣпые, то хромые, то сухіе, то нищіе?! Мы всѣ съ головы до ногъ обладѣтельствованы Господомъ и во всемъ имѣемъ нужду. И велико ли значать наши благодѣянія, эти рубища на рубище?!

«Зачѣмъ же, спросишь, еще этотъ особый богадѣленный домъ?»—А за тѣмъ, отвѣчу тебѣ, возлюбленный совопросникъ, за чѣмъ среди вседовольныхъ домовъ учреждаются особыя училищныя, за чѣмъ грамотныя родители посылаютъ дѣтей въ училище, умные и ученые люди посѣщаютъ учрежденія, въ коихъ избранники трудятся надъ усовершенствованіемъ какой либо науки. Богадѣленный домъ есть училище милосердія. Милосердіе есть добродѣтель сладостнѣйшая для успѣвшихъ въ ней, но для начинающихъ она требуетъ подвига, который не довольствуется тепленькимъ соболѣзнованіемъ, не ограничивается внѣшнимъ пожертвованіемъ, а принимаетъ къ сердцу своему несчастіе

ближняго, отъ всего сердца умиляется его судьбой, старается проникнуть въ душу ближняго и влить бальзамъ милости въ самое сердце его. Согласитесь, что для такого милосердія надобится наука и наука тщательная; надобится воспитаніе сердца въ способности съ самоотверженіемъ, добросовѣстностію и горячею искренностію относиться къ бѣдѣ ближняго; надобится самому много поболѣть надъ своими язвами, чтобы съ умѣньемъ цѣлить язвы ближнихъ. Обучается сему человѣкъ во всякомъ положеніи,—и въ семьѣ родной, и на общественномъ служеніи. Но тутъ дѣйствуютъ побужденія большею частію личныя и корыстныя; за этими ближайшими причинами забывается верховная — примѣръ Божія милосердія, слава всевышняго имени Его; и добродѣтель принижается до эгоистической расчетливости. При семьѣ бываютъ такія состоянія, когда человѣкъ не имѣетъ семьи, или мѣста въ семьѣ, когда человѣкъ не имѣетъ силъ нести заботы семейныя, кои по разнымъ несчастіямъ теряютъ для него свою цѣлительную силу, подобно тому какъ бываютъ болѣзни, кои въ частномъ домѣ трудно лѣчатся и для коихъ удобнѣе общественная больница. Вотъ для чего особый богадѣленный домъ, какъ училище милосердія.

Какъ и въ обыкновенныхъ училищахъ, будутъ здѣсь ученики разные,—и начинающіе и оканчивающіе; это тѣ призраваемые, кои только знакомятся съ бѣдностію и безпріютностію, и тѣ, коихъ послѣ сего уже могила пріютитъ. Будутъ

здѣсь учителя; это тѣ богадѣленные члены попечительнаго совѣта, кои примуть на себя обязанность заботиться о средствахъ и благосостояніи дома сего и живущихъ въ немъ, и особенно мѣстный священникъ, какъ духовный руководитель, наставникъ и утѣшитель. Будутъ здѣсь свои добрые порядки, дабы домъ представлялъ стройную семью, въ коей точно рапредѣлены времена сна и дѣла, молитвы и пищи, чтенія и руководѣній, дабы всякій могъ безпрепятственно заняться чтеніемъ, руководѣіемъ и не упустить богослуженія. Будетъ благоволеніе къ дому сему Высочайшаго царственнаго Дома, внимательнаго ко всѣмъ челоуѣколюбивымъ учрежденіямъ. Будетъ и пребудетъ съ симъ домомъ благодать Господня! Затѣмъ здѣсь устроенъ храмъ Божій, освященъ благодатию Божіею и посвященъ имени нищелюбиваго святителя Николая, дабы его святыней просвѣщалось милосердіе благодѣтелей и благодѣтельствуемыхъ, дабы, при Божіемъ благословеніи, Богадѣльня достигала своихъ цѣлей.

При семъ значеніи и при сихъ внутреннихъ средствахъ и средства внѣшнія должны поставить домъ сей на твердыхъ основахъ, дабы не краснѣть за него въ глазахъ учрежденія умнаго и пріюта странниковъ, хотя основанныхъ на одномъ расчетѣ челоуѣческомъ и для интересовъ времени, а не вѣчности. Граждане Козловскіе! Домъ сей долженъ быть перломъ среди боголюбивыхъ вашихъ домовъ, какъ средство къ прекращенію уличнаго нищенства, этой заразной язвы, растлѣвающей са-

мыя молодыя существа, жизнь коихъ принесла бы прекрасные плоды, еслибы юность была благовременно заправлена честнымъ трудомъ. Этого требуетъ честь города православнаго, благочестиваго и благодушнаго среди видимаго посѣщенія Божія. Послѣ страшнаго пожара прошлогодняго возобновляются храмы Божіи, возстаповляются дома ваши: не презирайте же и возлюбленнѣйшихъ Господу храмовъ — сокрушенныхъ сердець чловѣка нища, сира, странна, боляща! Порадѣйте о нихъ, дабы Господь порадылъ и о васъ. Никто не говори: «не мое это начинаніе, не мое и дѣло.» Богадѣльна есть дѣло общее, ибо она есть дѣло Божіе. Пройдетъ нѣсколько лѣтъ—дней и предстанешь ты на судъ предъ Господа. О чемъ Онъ тогда взыщетъ съ тебя? Сколько ты оставилъ по себѣ домовъ, лавокъ, тысячъ?! До какихъ чиновъ и знаковъ отличій дослужился?! Нѣтъ; громадныя предпріятія, золотыя вѣнцы, великолѣпныя памятники тогда и не вспомнятся, а вспомнятся дѣла милосердія или жестокосердія, и въ день откровенія правды Божіей *не будетъ милости не сотворшему милости.*

Принявъ къ сердцу сіе Боголюбезное дѣло — устройство *Николаевскаго Богодѣльнаго Козловскаго дома*, воздвигнемся, братіе, молитвою съ свѣтлою надеждою и со всякимъ усердіемъ, да призритъ съ небесе Господь на основателей и благотворителей дома сего и на всѣхъ боголюбивыхъ и милосердыхъ согражданъ нашихъ, да видѣтъ чис-

тоту намѣреній и посѣтитъ сей виноградъ, да утвердитъ его Своею всемогущею Десницею, на пользу бѣдности и старости. Когда же настанетъ день суда и мздовоздаянiя Господня, тогда сохраненная здѣсь юность и упокоенная старость горой да станутъ за васъ, благодѣтели, между вашими грѣхами и небеснымъ правосудiемъ и да скажутъ Ему свое крѣпкое ходатайственное слово: Господи! помилуй ихъ, ибо они милосердовали о насъ. Аминь.

Архимандритъ Геннадiй.

17 Юля 1866 г.

Козловъ.

Съ дозволенiя цензуры. 3 Августа 1866 года.

Тамбовъ. Въ Типографiи Палаты Госуд. Имуществъ.